

Ги Дебор

**Комментарии к
«Обществу Спектакля»**

Оглавление

I	3
II	3
III	5
IV	6
V	8
VI	10
VII	11
VIII	13
IX	15
X	17
XI	18
XII	19
XIII	20
XIV	23
XV	25
XVI	26
XVII	29
XVIII	30
XIX	33
XX	33
XXI	34
XXII	36
XXIII	36
XXIV	37
XXV	38
XXVI	39
XXVII	41
XXVIII	42
XXIX	45
XXX	46
XXXI	48
XXXII	48
XXXIII	50

Посвящается памяти Жерара Любовичи, убитому неизвестными 5 марта 1984 г.

«Сколь бы не были безнадежны ситуация и обстоятельства — не отчаивайся. Когда всё вокруг внушает ужас — не трусь. Будучи окружён опасностями — не бойся их. Исчерпав все возможности — положишься на находчивость. Если тебя внезапно атаковали — попробуй сам взять противника врасплох». Сунь-Тзы, «Искусство Войны».

I

Более чем уверен, что появление этих комментариев будут приветствовать от силы пятьдесят или шестьдесят человек; вряд ли они будут интересны кому-либо ещё, особенно принимая во внимание то время, в котором мы живём, а также вес выставленных на обсуждение вопросов. Хотя, конечно, в некоторых кругах меня признают авторитетом. При этом не стоит забывать, что добрая половина всей заинтересованной публики будет состоять из людей, которые посвятили себя служению господствующей системе спектакля, в то время как другая половина — упорно пытается эту самую систему разрушить. Таким образом, мне приходится считаться и с теми, и с другими; причём обе эти группы представляют собой читателей въедливых, хотя и в разной степени влиятельных, а потому, очевидно, я не могу изъясняться с полной свободой. В конце концов, я просто не имею права выдавать столько информации первому встречному.

Итак, наши несчастливые времена вынуждают меня переписать всё по-новому. Некоторые подробности я намерен сознательно опустить, поэтому общий смысл может показаться от этого смутным. Однако читатель наверняка поддастся на лакомую приманку: наверняка ему захочется разведать все отличительные черты нашей эпохи. Невозможно понять общий смысл книги, не прочитав её целиком. Подобно этому тайные предпосылки можно объединить в нечто, чем уже можно запросто манипулировать. Даже химические элементы начинают проявлять свои скрытые свойства, лишь вступая в реакцию друг с другом. Поэтому данная работа будет содержать очень много тезисов, но зато все они будут просты для понимания.

II

В 1967 году, в книге озаглавленной «Общество Спектакля», я показал, чем уже тогда являлся современной спектакль: абсолютным господством рыночной экономики, достигшим уровня совершеннейшего произвола и безответственности, попутно развившим в себе новые методы управления и контроля

над обществом. Беспорядки 1968 года, в некоторых странах растянувшиеся на несколько лет, так нигде и не смогли свергнуть существующий общественный строй и оттого постепенно утихли сами по себе. Спектакль же продолжал наращивать свою силу, увеличивая своё влияние на периферии, одновременно уплотняясь в центре. Более того, он даже овладел новыми приёмами самозащиты, как обычно и происходит с подвергшейся нападению стороной. Когда я начал критику общества спектакля, я особо отметил революционную составляющую данной критики, и это было в духе того времени, однако я уже тогда сознавал, что именно этот момент вызовет больше всего хлопот. Что же касается самого спектакля, меня иногда упрекали в том, что я выдумал его из чистого воздуха, а ещё чаще звучало обвинение, что я дал лиху в расчётах, особенно касаясь единства и глубины проникновения спектакля, а также его действительного воздействия. Должен отметить, что другие авторы, публикуя позже свои книги, отлично продемонстрировали, что я был слишком многословен — можно было о многом и не писать. Всё что делали мои последователи — они просто подменяли всеобъемлющее движение какой-то статичной, незначительной деталью, поверхностно описывающей явление, при этом каждый автор стремился продемонстрировать оригинальность, выбирая наименее тревожный и пугающий симптом окружающего мира. Никто не хотел пятнать свои благопристойные научные выкладки, вставляя в них дерзкие исторические суждения.

Тем не менее, общество спектакля продолжало развиваться. В 1967 оно уже имело за плечами почти 40 лет истории и, надо думать, времени не теряло. И, если судить по его собственному развитию (которое так никто и не рискнул исследовать), общество спектакля своими удивительными достижениями явно продемонстрировало, что оно эффективно и могущественно как раз в той мере, какой я ему и приписал. Доказательство этого факта имеет не просто академическую ценность, потому как, несомненно, без него не обойтись для осознания единства спектакля. Ведь таким образом спектакль выступает как связанная, деятельная сила и можно узнать, куда эта сила уже успела проникнуть. Все эти вопросы необычайно интересны, ибо только от них зависит, во что выльется следующий социальный конфликт. Так как спектакль сегодня явно могущественней, чем раньше, что же произошло с этой властью? Чего она добилась из того, чего не могла раньше? Короче говоря, как далеко зашёл спектакль? По миру уже достаточно распространилось смутное предчувствие того, что нечто чуждое вторглось в нашу жизнь и заставляет теперь людей жить абсолютно иначе. Однако это чувство сродни тому, как на нас действует еле заметные изменения климата или других природных условий, с которыми ничего не поделаешь, можно только пожалеть плечами. Но более того, некоторые воспринимают это вмешательство в дела цивилизации как нечто неизбежное, и даже порою хотят с ним сотрудничать. Такие люди, думаю, даже не желают знать ни истинных целей этого вторжения, ни того, как они входят в нашу

жизнь.

Я намерен выделить некоторые, до сих пор малоизвестные, практические последствия развития спектакля за последние 20 лет. Я не намерен вступать в полемику ни по одному из аспектов данного вопроса: спорить сейчас столь же легко, сколько и бесполезно. Тем более, я не собираюсь никого убеждать. Не ищите морали в данных комментариях. Они не вносят предложения о желаемом или хотя бы более предпочтительном. Их задача — просто запечатлеть то, что есть.

III

Сегодня уже никто не сомневается в существовании власти спектакля; наоборот, кто-нибудь может даже усомниться: а нужно ли добавлять что-то новое к этому вопросу? — ведь действие спектакля и без того каждый мог ощутить на своей собственной шкуре. Наиболее удачную иллюстрацию к сказанному предложила Le Monde 19 октября 1987 г.: «Даже если он и существует — нет нужды о нём говорить», — это, собственно, и есть основной закон нашего времени, насквозь пропитанного спектаклем. Точно таким же образом, например, нас уверяют, что не существует де стран третьего мира.

«То, что современное общество представляет собой общество спектакля — всем и так ясно. Люди скорее удивятся, если факт его существования кто-нибудь начнёт отчаянно отрицать. Можно потерять счёт книгам, которые описывают данное явление, затрагивающее ныне все индустриально развитые нации, но и не обделяющее также и страны развивающиеся. Но самое забавное, впрочем, то, что все книги, анализирующие и порицающие данное явление, вынуждены сами стать частью спектакля, если хотят привлечь к себе внимание».

На самом деле, зрелищная критика спектакля является не просто запоздалой, но даже хуже — она требует к себе постоянного, неослабевающего «внимания», неизбежно увязая при этом в утверждениях общего характера или лицемерных вздохах; она не многим полезней клоунов, которые щеголяют в газетах своим изысканным правдолюбием.

Бесмысленные дебаты вокруг спектакля, судя по безразличной реакции властителей мира сего, сами организованы спектаклем: уже было наговорено столько пространных речей по поводу управления спектаклем, что не осталось времени даже на поверхностное обсуждение его саморазвития. Однако не всё упирается в обсуждение спектакля, — люди всё больше предпочитают пользоваться термином «media». Но тем самым они описывают лишь простой инструмент, род общественной услуги, которая благодаря своему «беспристрастному профессионализму» знаменует собой становление великой и могущественной

империи массовой коммуникации посредством масс-медиа, т.е. такой формы общения, которая однажды и навсегда обрела беспримесную чистоту и ясность. Все её декреты уже приняты заранее, а формальный ритуал их единогласного принятия должен вызывать священный восторг и трепет.

Власть спектакля является настолько же сплоченной и однородной в своей основе, насколько позволяет ситуация, сам дух спектакля взывает к его деспотии. Спектакль частенько предстаёт перед нами в образе зрелищной политики, зрелищного правосудия, зрелищной медицины и иных не менее замечательных media-фабрикатов. В принципе, спектакль — это банальная отрывка, излишек, вырабатываемый СМИ. Причём по своей природе СМИ не заключают в себе ничего плохого, более того, на них возложена ответственная и достойная роль — способствовать развитию общения, коммуникации, однако порою их деятельность приводит к возникновению вот таких досадных излишков. Довольно часто общественные боссы заявляют, что устали от своих media-наёмников. Ещё чаще они обрушиваются на простых обывателей, точнее на то, каким скотским образом они удовлетворяют свои потребности посредством СМИ. Кажущееся многообразие среди СМИ на самом деле лишь прикрывает процесс унификации внутри спектакля, где всё настойчиво стремится к однообразию. Подобно тому, как логика товара властвует над амбициями капиталистов, а логика войны всегда затмевает частые модификации в области вооружений, так и путаная логика спектакля контролирует избыточное разнообразие медийного сумасбродства.

Среди всего того, что произошло за последние двадцать лет, наиболее важное изменение коснулось охвата, обеспечиваемого спектаклем. СМИ — главный инструмент спектакля, достигли воистину несравненного совершенства, они уже сейчас развиты настолько, что целое поколение оказалось окончательно подчиненным их воле, а значит, воле спектакля. Абсолютно новая обстановка, в которой оказалось нынешнее поколение, позволяет нам точно выделить спектр того, что отныне спектакль будет запрещать, и что, наоборот, разрешать.

IV

На теоретическом уровне я бы хотел сделать одно единственное замечание к своим формулировкам, тем более оно обладает далеко идущими последствиями. В 1967 году я различал только две противоборствующие и взаимосвязанные формы власти спектакля: концентрированную и расплывённую. Обе эти формы возвышались над реальным обществом, являясь одновременно и целью общества, и средоточием всей его лжи. Первая форма благоприятствовала становлению такой идеологии, которая бы наиболее отвечала желаниям и требованиям определённой персоны — диктатора. Она получила выражение в тоталитарных контрреволюциях: как сталинистского, так и фашистского толка.

Вторая же форма действовала иначе: она только потворствовала тому, чтобы рабочий утверждал свою свободу, но лишь в рамках потребления обширного спектра товаров. Эта форма выразилась в процессе американизации мира; процессе, который, несмотря на свои отрицательные стороны, легко прижился во всех странах, где традиционной формой правления являлась буржуазная демократия. Однако с тех пор возник новый вид спектакля. По сути своей, он является рациональной комбинацией двух вышеприведённых форм, однако за основу он принял ту форму, которая показала себя более живучей, т.е. распылённый спектакль. Имя ему — интегрированный спектакль. И именно он отныне желает утвердить себя во всемирном масштабе.

И если Россия и Германия в основном были ответственны за возникновение концентрированного спектакля, а Америка — за его распылённую форму, то интегрированный спектакль впервые заявил о себе во Франции и Италии. Появление этой новой формы было обусловлено некоторыми местными особенностями, а именно: важной ролью сталинистских партий и объединений в политической и интеллектуальной жизни, слабая демократическая традиция, долгое единоличное пребывание у власти правительственной партии, а также острая нужда каким-либо образом затушевать неожиданно резкий всплеск революционной активности.

Интегрированный спектакль сочетает в себе характерные черты как концентрированного, так и распылённого спектакля, но даже более — этот плодотворный союз приводит к тому, что все самые омерзительные стороны этих двух форм спектакля становятся здесь ещё более ядовитыми, чем прежде. Существенно изменилось само воздействие спектакля. Что касается концентрации, в интегрированном спектакле властный центр отошёл в тень: отныне его не занимает ни какая-то определённая личность, ни какая-либо идеология. А с точки зрения распылённости, то здесь спектакль как никогда крепко наложил свою лапу на все продукты общественного развития: от вещей до поведения. Наконец, интегрированный спектакль сумел внедрить себя в реальность в той же мере, в какой его и описывал, а, следовательно, изменил его соответственно со своим описанием. Как результат, реальность уже не воспринимает спектакль как нечто чуждое. Когда спектакль являлся концентрированным, от него воротила нос большая часть общества, когда он стал распылённым — недовольных стало меньше, а теперь — они и вовсе исчезли. Спектакль отныне пронизывает всё общество. Теоретически легко было предсказать то, что уже подтвердилось на практике. Экономика, своими свершениями перешагнувшая даже через разум, наглядно продемонстрировала: торжество лжи в мировом масштабе привело к тому, что сам мир превратился в фальшивку¹. И хотя старые книги, как, впрочем, и старые здания и другие произведения

¹ В английском переводе анаграмма: «globalisation of the false was also the falsification of the globe». Здесь и далее — примечание переводчика.

искусства, всё ещё оказывают какое-то влияние, однако оно уже обречено и постепенно сходит на нет; ещё чаще все эти артефакты прошлого выделяют и классифицируют с целью поставить их в услужение спектаклю. Ни в культуре, ни в природе уже не осталось ничего такого, что бы ни было запятнано, исковеркано соответственно с потребностями современной промышленности. Даже генетика отныне готова прислуживать этой господствующей силе. Правительство спектакля, отныне обладающее всеми средствами для контроля в целом над производством и восприятием, добивается не только господства над прошлым и настоящим, но и свободно начинает создавать планы по изменению даже далёкого будущего. Никто не следит за его правлением, а потому все его суждения неизменно претворяются в жизнь.

Не удивительно, что при таких условиях создаётся видимость уничтожения разделения труда: данное событие повсюду встречают с необычайным воодушевлением, однако не трудно заметить, что одновременно с этим повсеместно исчезает сама способность к труду. Банкир может быть певцом, адвокат — доносчиком, булочник может щеголять своими литературными вкусами, киноактёр может стать президентом, а повар — философствовать над различными кулинарными ухищрениями, будто они веши во всемирной истории. Всякий может присоединиться к спектаклю, если захочет явно, а порой и тайно, сменить род своей деятельности. Здесь «медийный статус» обретает куда большую важность, нежели действительная способность заниматься каким-то трудом, а посему нормально, что этот статус становится переходящим; в любом случае, каждый имеет право стать своего рода «звездой». Однако для этого он обязан отречься от своей самобытности, слиться со своим медийным образом, и уже только в таком виде продолжать собственную карьеру и купаться в лучах славы. И всё бы хорошо, однако слияние с медиа зачастую подразумевает участие в крайне законспирированной сети контроля над обществом. Как результат, несмотря на то, что в обществе разделение труда и так существует, возникает новая, ещё более изощрённая его форма: как иллюстрация, кто-нибудь может издать роман, чтобы с его помощью организовать, например, убийство. Подобные примеры не излишни: они просто напоминают, что никому нельзя верить, лишь принимая во внимание его текущий род занятий.

Таким образом, и по сей день главной целью спектакля остаётся превратить всех стукачей в революционеров, а всех революционеров — в агентов охраны.

V

Общество, чьё развитие достигло стадии интегрированного спектакля, можно охарактеризовать несколькими ключевыми принципами: непрерывное технологическое развёртывание, интеграция государства и экономики, то-

тальная скрытность и подозрительность, неопровержимость лжи; наконец, в таком обществе царит вечное настоящее.

Технический прогресс имеет долгую историю, он заложен в самой сущности капиталистического развития. Иногда технический прогресс подразделяют на индустриальный и пост-индустриальный. Его наивысший всплеск пришёлся на первые десятилетия после второй Мировой войны, и именно благодаря этому прогрессу власть спектакля добилась своего могущества. Технический прогресс поставил общество на колени перед властью специалистов и их субъективных расчётов и суждений. Во всех странах всё явственней намечается окончательное слияние экономики и государства; именно оно и является в последнее время главной причиной столь больших достижений в области экономики. Две эти силы, экономика и государство, заключили между собой и оборонительный, и наступательный союз, что дало им небывалое преимущество: о каждой из них можно сказать, что ей владеет другая сторона, хотя в любом случае, было бы абсурдом — как-либо противопоставлять их друг другу или различать их намерения. Кроме всего прочего данный союз очень выгоден для спектакля, ибо он обеспечивает его господство. Таким образом, первые два из заявленных нами принципов ничем не отличаются друг от друга, а три оставшихся — напрямую следуют из них.

Тотальная скрытность, окутавшая общество, стоит прямо за спиной у спектакля. Только под её сенью спектакль может вить свои тенёта. Благодаря своей неопровержимости ложь обрела совершенно новое качество. Многие уже с серьёзным видом говорят, что истины больше не существует или, что ещё лучше, она существует, но только гипотетически. Неопровержимое враньё подмяло под себя общественное мнение: сначала ему заткнули рот, а затем и вовсе начали делать заявления от его имени. Общественного мнения больше не существует. Очевидно, что это уже привело к серьёзным последствиям для политики, прикладных наук, правовой системы и искусства.

Фабрикация современности, в каком-то смысле, является своеобразной модой. Но что сейчас происходит с модой? Начиная от одежды и заканчивая музыкой — везде заметен сходный процесс. Мода просто забыла о прошлом и, похоже, уже перестала верить в будущее. Осталось одно вечное настоящее. Такой эффект был достигнут благодаря исчезновению любых преград на пути информации, мода отныне обречена вечно возвращаться к коротенькому списку тривиальных и избитых решений, страстно заявляемых как нечто абсолютно новое и доселе невиданное. Одновременно с этим, в новостях почти перестали встречаться известия о том, что действительно меняется, что по-настоящему важно — их если и включают в новостные блоки, то с большим скрипом. Подобными периодами застоя мир просто-напросто выносит себе приговор.

VI

Уничтожить историческое знание как таковое — вот в чём заключалась главная задача господства спектакля. Начать, как водится, решено было с малого: под нож пустили всю рациональную информацию и комментарии о совсем недавнем прошлом. Это достаточно очевидно и не требует дальнейших разъяснений. Спектакль в совершенстве овладел этой техникой: сначала общество лишается всякого понятия о настоящем, а затем забывается всё то, что художественно, но было понято о прошлом. Чем важнее какой-либо исторический аспект, тем отчаяннее его стараются скрыть. Пожалуй, за последние двадцать лет ни на что так упорно не изливали грязные потоки лжи, как на события мая 1968. Конечно, если бы нам была известна вся правда о них, мы бы наверняка извлекли оттуда много полезных уроков, однако нас уже опередила власть и свои выводы сделала тайной за семью печатями.

Во Франции, уже около десяти лет прошло с тех пор, как президент республики, давно позабытый, однако всё ещё ошивающийся на поверхности спектакля, наивно выразил удовольствие от того что «отныне мы живём в мире без памяти, где неуловимые образы постоянно меняют свои очертания и расплываются, словно круги по воде». Довольно убедительно, особенно для тех, кто посвящён во всё это дело и знает, как здесь себя вести. Конец истории даёт власти долгожданную передышку. Всё, что преподносится под эгидой конца истории просто обречено на успех, ну или хотя бы на слухи об успехе.

Насколько решительно абсолютистская власть будет подавлять историю, напрямую зависит от меры её имперских интересов или замашек, и, в особенности, от наличия действительной способности претворять в жизнь свои угрозы. Цин Че Хуан Ти сжёг много книг, но так и не смог избавиться от них полностью. В нашем веке Сталин пошёл ещё дальше, однако, даже не смотря на многочисленных агентов, которых он смог завербовать за границами своей империи, всё равно громадная часть земного шара оставалась вне досягаемости для его карательных органов, и в открытую потешались над Сталиным и его политикой. Интегрированный спектакль добился на этой стезе куда больших успехов, разработав для этого новые технологии и применив их во всемирном масштабе. Глупость нынче снискивает всемирное уважение, и над ней уже нельзя смеяться. Да и смеяться, судя по всему, уже некому.

Естественной сферой деятельности истории было памятное — т.е. нечто объёмлющее все события, последствия которых долго бы оставались явными. И поэтому история была как раз таким знанием, которое должно было бы постоянно испытываться и поддерживаться пониманием, хотя бы отчасти, и таким путём, по выражению Фукидида, прийти к «вечному обладанию». Поэтому история и была мерой той самой, неподдельной новизны. Но в интересах всякого, кто торговал новизной, было уничтожить все средства для её измерения. И что мы видим сейчас? Социальную значимость приписывают

лишь преходящему, а также тому, что станет преходящим сразу после того, как переймёт эстафету, т.е. заменит собой предыдущее преходящее. Именно на основе такой сиюминутности, когда одна безлика пустышка сменяет другую, СМИ и воссоздают своего рода вечность, заполненную шумной и кичливой ничтожностью. Самое ценное, чего добился для себя спектакль, ставя историю вне закона, накрыв завесой тайны всё недавнее прошлое, заставив забыть сам дух истории, витавший в обществе, — он сумел замести свои следы, скрыть сам процесс своего недавнего завоевания мира. Его власть уже кажется привычной, кажется, что она присутствует испокон веков. Все узурпаторы объединили свои усилия ради одной цели — они хотят, чтобы мы забыли об их приходе, и . . . преходящей сущности.

VII

Вслед за уничтожением истории современные нам события отдаляются в чуждую и неправдоподобную реальность невероятных рассказов, недоступной для проверки статистики, невнятных объяснений и пространных рассуждений. Лишь работники СМИ имеют право как-либо комментировать идиотизм спектакля, требовать изменений и даже протестовать против него. Но не трудно догадаться, насколько нелеп этот протест. Даже помимо того, что все эти «профессионалы» на редкость невежественны и попросту глупы, они лично и профессионально заинтересованы в спектакле и поэтому солидарны с обществом, которое он породил; каким-либо образом подвергать опасности могущество спектакля для них смерти подобно. Не стоит забывать, что каждый работник СМИ зависит от хозяйских подачек и других вознаграждений, а потому все они — расходный материал для спектакля.

Все эксперты служат государству и СМИ, и именно таким путём они и добились своего статуса. Каждый эксперт отныне привязан к своему хозяину, и благодаря современной организации общества для такого эксперта постепенно исчезли все былые возможности быть независимым. Самый полезный эксперт — это, конечно же, тот, кто умеет лгать. И хотя мотивы для этого могут быть различны, эксперты нужны лишь лжецам и дуракам. Когда индивид лишается возможности самостоятельно видеть вещи, всякого рода эксперты с радостью спешат ему на помощь. Когда-то существовали и специалисты по искусству этрусков, и, надо сказать, достаточно компетентные, но лишь до тех пор, пока это искусство не придумали выставить на продажу. В наше время, например, весьма выгодно делать с помощью химии подделки разных знаменитых винных марок, однако продать это вино, можно лишь наняв «знатоков» в винном деле, которые и расхвалят богатый, новый вкус старого вина. Сервантес верно подметил: «под неказистым плащом частенько скрывается добрый пьянчужка». Человек, который хорошо разбирается в винах, зачастую ничего не смыслит в ядерной энергетике; однако спектакль и рассчитывает

всё таким образом, что если найдётся один эксперт, который обдурит человека в плане ядерной энергетики, то непременно другой эксперт — сумеет сделать то же самое и с вином. Или ещё хороший пример: как известно, синоптики, предсказывая температуру и дожди на последующие сорок восемь часов, зачастую серьёзно ограничены в своих предсказаниях, ибо они обязаны сохранять стабильность в экономике, в бюджетах регионов и туристических фирм. И всё это в то время, когда люди ежедневно совершают столько поездок на дальние расстояния! Поэтому от синоптиков сегодня так же мало проку, как и от юмористов.

Ещё один аспект исчезновения всякого исторического знания заключается в том, что репутацию любого человека сегодня можно погубить или, наоборот, вознести до небес по одному мановению руки того, кто владеет информацией: информацией получаемой и (что совершенно иное) информацией передаваемой в эфир. Их способности исказить и лгать просто безграничны! Историческое доказательство, в котором перестаёт нуждаться спектакль, перестаёт быть доказательством. Если даже честь может быть дарована лишь по милости и благоволению спектакля, то и позор может пасть на голову столь же быстро и немилосердно. Известность вне рамок спектакля стала сейчас невероятно редким и подозрительным явлением. Пожалуй, я один из последних людей, удостоившихся такой славы, а иной у меня никогда и не было. Общество официально объявило себя спектаклем. Быть известным вне рамок спектакля — значит стать его врагом.

Прошлое человека может быть переписано полностью, радикально изменено, а то и заново воссоздано на манер русских процессов над «врагами народа», причём без присущей таким процессам грубости. Убивать нынче стало проще. Те, кто управляют спектаклем, а так же их сообщники никогда не будут нуждаться в лжесвидетельствах, — причём неважно, умелых или неумелых (как могут зрители, безропотные созерцатели окружающего лжесвидетельства заметить в нём ложь!?). То же относится и к подделке исторических документов, что уже доказало свою крайне высокую эффективность. Поэтому больше нельзя верить ничему, что не видел сам, непосредственно. Однако, на деле, ложных обвинений особо и не требуются. Чуть только кто-то захватывает сам механизм, отвечающий за всеобщее общественное признание, его точка зрения «нравится — не нравится» автоматически навязывается всему обществу. Спектакль доказывает свои доводы весьма немудрёным способом: закливая их, возвращаясь из конца в начало, путём повторения, постоянными ссылками на то, что уже утвердилось в общественном сознании, стало общепризнанным, т.е. на то, чему все являются свидетелями. Схожим образом власть спектакля может запретить всё, что ей вздумается, а спустя какое-то время вновь легализовать тему, если уверится в том, что она стала безопасной и уже не сможет нанести вред

Организованного общества не стало — всё поглотила толпа, — как не стало

замкнутых, самостоятельных и более тесных коллективов, где бы велись задушевные беседы: нету больше различных салонов, кафе или рабочих сходок. Не осталось больше мест, где бы люди могли в спокойной обстановке обсудить действительно волнующие их события, потому как уже никто не в силах на длительное время освободить себя от всепроникающего воздействия СМИ и других сил, предназначенных для усиления этого воздействия. Не осталось ничего даже от относительно свободных суждений тех людей, которые стояли у истоков эпохи Просвещения; да и вообще всех, к примеру, кто основывал своё самомнение лишь на способности объять целиком или хотя бы приблизится к беспристрастному обзору фактической истории, или хотя бы к вере, что такая история существует. Отныне правды не сыщешь даже в книгах: компьютеризированные каталоги национальных библиотек устроены достаточно хорошо, чтобы не выдавать крамолы и прочих остаточных следов прошлого. Было бы заблуждением считать, что сегодня судья, врач или историк имеют те же обязанности и императивы, что и совсем недавно: дети больше похожи на своё время, чем на отцов.

Если спектакль о чём-то молчит в течение трёх дней, то это «что-то» попросту перестаёт существовать. И наоборот, когда спектакль начинает о чём-то захлёбываясь рассказывать, то это «что-то» действительно претворяется в жизнь. Практические последствия, как мы видим, колоссальны.

Мы знаем, по крайней мере, верим в своё знание, что в Греции демократия и история возникли одновременно. Мы также можем доказать, что и исчезли они тоже вместе.

К данному списку одержанных властью триумфов мы должны, тем не менее, добавить один явно негативный результат: чуть только государство прибегает к постоянному и широкому сокращению исторического знания, оно уже не может управляться стратегически.

VIII

Чуть только самопровозглашённое демократическое общество достигает стадии интегрированного спектакля, его, похоже, всюду начинают воспринимать как некое зыбкое совершенство. Однако ввиду его хрупкости оно должно быть неуязвимым для атак со стороны, и более того — его теперь уже вообще невозможно атаковать, ибо общество спектакля является самым совершенным из всех существовавших доселе. Но это общество является хрупким, поскольку оно не в состоянии обуздать свою собственную технологическую экспансию. Однако с точки зрения государственного управления — это общество идеально, и доказательством этому служит то, что все желающие править таким обществом ничего не желают менять в его устройстве. К примеру, в современной Европе нет ни одной партии или хотя бы партийной фракции, которая хотя бы

на словах желала что-нибудь значительно в нём изменить. Товар не подвластен критике: ни как общая система, ни даже как частная форма того хлама, который «капитаны» промышленности в определённый момент выкидывают на рынок.

Везде где господствует спектакль, может существовать лишь одна единственная организованная сила, но и та будет желать лишь спектакля. Поэтому у существующего порядка не может быть врагов, никто не в состоянии нарушить заговор молчания. Мы счастливо распрощались с дурацкой концепцией, господствовавшей более двухсот лет, по которой общество было открыто для критики или преобразований, для реформ или революций. Однако это произошло не потому, что появились какие-то новые аргументы — просто старые стали бесполезны. Однако это не принесёт нам всеобщего счастья, скорее, лишь усиления и без того всепроникающих щупалец тирании.

Никогда прежде цензура не была так совершенна. Никогда прежде, ни в каких странах, не было столько людей, которые бы искренне считали себя свободными гражданами, но при этом менее всего могли ожидать, что их мнение будет услышано, даже если дело касается их собственной жизни. Никогда прежде им так бесстыдно не ввали. Заранее предполагается, что зритель ничего не знает и ничего не заслуживает. Тот, кто уже занял позицию наблюдателя — никогда не станет действовать: таково основное правило для зрителя. Люди часто ссылаются на Соединённые Штаты как на исключение, потому что там однажды Никсон попал впросак, введя совсем уж неудобоваримые запреты, имевшие, впрочем, определённую историческую подоплёку². Однако, это ещё ничего не значит, ведь совсем недавно Рейган ввел те же самые запреты, и остался безнаказанным. Всё больше и больше вещей становятся недопустимыми; запретить можно всё. Поэтому и сплетни ныне ушли в прошлое. Потер Дуэ — старый итальянский государственный деятель, одновременно член официального и параллельного правительства (P2=Potere Due), наиболее проникновенно подвёл итог для той эпохи, в которую вступил весь мир вслед за США и Италией: «Это когда-то были сплетни, а сейчас их нет».

Карл Маркс в «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» описал невиданное доселе вмешательство государства в дела второй Французской Империи, осчастливленной полумиллионной армией бюрократов: «[Всё] стало предметом для активной государственной опеки, будь то мосты, школы, коммунальная собственность сельской общины, железные дороги, национальное процветание или национальный французский университет». В то время уже был поставлен щекотливый вопрос о финансировании партий, и Маркс отметил по этому поводу: «Партии грызутся между собой ради того, чтобы наиболее полно свести свою идеологию к государственной доктрине; сделать это — зна-

² Так называемое дело «Watergate» связанное с выемкой документов из избирательной комиссии и преследованием демократов.

чит, сорвать главный куш». Конечно, это всё может казаться пустым звуком, чем-то ничтожным и безнадежно устаревшим, однако в это же самое время в государственные спекуляции вовлекаются всё новые и новые города и автотрассы, туннели под проливами и ядерная энергетика, нефтяные вышки и компьютеры, администрации банков и культурные центры, преобразование «аудиовизуального ландшафта» и тайный экспорт оружия, махинации с недвижимостью и производство медикаментов, сельское хозяйство и госпитали, военные кредиты и тайные фонды непрерывно разрастающихся департаментов, связанных с многочисленными службами охраны общественного порядка. К сожалению, Маркс остаётся как никогда актуальным, когда в своей книге описывает это правительство, которое «вместо того чтобы ночью решать, а днём действовать — принимает решения днём, а действует под покровом темноты».

IX

Такая идеальная демократия конструирует для собственных нужд непримиримого врага: терроризм. Она желает, чтобы о ней судили по её врагам, а не по достижениям. История терроризма написана самим государством и поэтому крайне познавательна. Зрители, конечно же, не должны знать всю правду о терроризме, однако обязаны обладать некоторыми познаниями, чтобы их легко можно было убедить в том, что, по сравнению с терроризмом, всё остальное является более приемлимым или, в любом случае, более рациональным и демократичным.

Впервые репрессивный аппарат достиг совершенства в итальянском пилотном проекте под названием *pentiti*: тогда общество наводнили стукачи. Впервые это явление возникло в XVII веке, после Фронды, в то время таких людей называли «профессиональными свидетелями». Судебная система спектакля наводнила итальянские тюрьмы тысячами людей, обвинённых в развязывании гражданской войны, которая так и не произошла, в массовом вооружённом мятеже, которого на самом деле не было, в заговоре, столь же призрачном как сновидение.

Нетрудно понять, что различные толкования тайны терроризма куда легче согласовать между собой, нежели примирить взгляды двух философских школ, приверженных совершенно несовместимым метафизическим системам. Кто-то видит в терроризме вопиющий факт манипуляции со стороны различных спецслужб; другие же упрекают террористов в совершеннейшем отсутствии исторического сознания. Впрочем, обладая хотя бы толикой исторической логики можно быстро убедиться в том, что здесь нет ничего противоречивого: людьми которые ничего не понимают в истории можно запросто манипулировать; даже легче, чем всеми остальными. И куда легче привести кого-нибудь к «раскаянию», если убедить его в том, что всё что он делал и

считал актом своей свободной воли, на самом деле уже было кем-то запланировано заранее. Всё это напрямую вытекает из самой военной, тайной формы организации терроризма: для того чтобы поднять людей на борьбу достаточно пары «засланных казачков», столько же требуется и для разоблачения самой организации. Критика, при оценке вооружённой борьбы, иногда всё же обязана анализировать каждые её проявления в отдельности, не позволяя сбить себя с толку присущим им внешним сходством. Мы можем ожидать, тем более это вполне вероятно с логической точки зрения, что государственные службы безопасности постараются извлечь все возможные выгоды из спектакля, тем более за столь долгое время эта точка зрения уже успела выкристаллизовываться; хотя конечно, тяжело смириться с тем, что выглядит удивительным и просто-таки кошунственным.

Сегодня главная задача судебной-репрессивной системы заключается в том, чтобы как можно скорее обобщить все виды преступлений. Главное в товаре — это упаковка, или штрих-код с наименованием и ценой. У демократического спектакля все враги на одно лицо, как, впрочем, и сами эти демократии. Поэтому у террористов не может быть права на политическое убежище. Даже того, кто ещё не был обвинён в терроризме, можно назвать террористом, а после быстренько экстрадировать. В ноябре 1978 года, ведя дело молодого работника типографии Габора Уинтера, разыскиваемого правительством ФРГ в основном за печать нескольких революционных листовок, Николя Предэн, полномочный представитель департамента Государственной Прокуратуры при Парижском Апелляционном суде, быстро дал понять, что статья о «политических мотивах», которая могла стать единственной причиной для отказа в экстрадиции по Франко-Немецкому договору 29 ноября 1951 года, в данном случае неприменима: «Габор Уинтер — это общественный преступник, а не политический. Он отказывается принимать законы общества. Настоящий политический преступник не отрицает общество. Он атакует политические, а не общественные структуры, в отличие от Гэбора Уинтера». Понятие о допустимом политическом преступлении возникло в Европе, когда буржуазия успешно ниспровергала прежние общественные структуры. Вообще говоря, природу политического преступления не следует отделять от целей общественной критики. По крайней мере, так было для Бланши, Варлина и Дурутти. Сегодня же возникла тенденция выделить чисто политическое преступление, как некое дешёвое удовольствие, маленький грешок, который вполне можно себе позволить, ведь его, несомненно, никто не вздумает повторять, так как к нему уже все потеряют интерес. Ну, разве что кроме профессиональных политиков, которых за преступления и так редко кто преследует, как, впрочем, и за саму политику. Откроем тайну: на самом деле все преступления и нарушения носят общественный характер. Однако самый худший из всех общественных проступков — это нахально заявлять о том, что ты до сих пор хочешь что-либо изменить в обществе, которое тебя до сих пор терпеливо кормило и пило.

Х

Уничтожить логику — было одной из основных задач новой господствующей системы. Задача эта преследовалась разными, однако взаимодополняющими средствами: одни из них включали в себя те технологии, которые спектакль уже апробировал и популяризовал; другие связаны скорее с массовой психологией подчинения.

Как это происходит на уровне технологии? Образы, отбираемые и фабрикуемые каким-то посторонним лицом, становятся единственной связью человека с миром, которая раньше осуществлялась через непосредственное освоение этого мира. Однако, безусловно, нельзя забывать, что образы способны стерпеть любые издевательства над собой, поскольку все вещи можно сопоставить в рамках одного и того же образа и не нарваться при этом на противоречие. Поток образов сметает всё на своём пути, не оставляя зрителю времени на раздумья и рефлексию, заставляет его прогибаться под этим непрерывным и немилосердным ураганом. Подобным образом, тому, кто своевольно контролирует эту упрощённую совокупность чувственного мира, кто заправляет движением этого бурного потока и его внутреннем ритмом — совершенно безразлично, что обо всём этом думает зритель. В основании данного практического опыта перманентного подчинения лежит психологическая подоплёка, а именно, человек начинает покорно принимать реальность — это следует уяснить. Помимо обычных тайн, дискурс спектакля, очевидно, старается заглушить всё то, что причиняет ему беспокойство. Он пытается скрыть всё, что следует из его контекста, своё прошлое, свои намерения и рассуждения. Поэтому он совершенно алогичен. Так как никто не смеет ему перечить, он сам начинает перечить себе, для того чтобы подкорректировать собственное прошлое. Иллюстрацией может служить самонадеянное стремление его слуг, постоянно вводящих в обиход новое и, может быть, даже ещё более бесчестное толкование каких-то фактов, с целью раз и навсегда избавить общественность от невежества и ложных интерпретацией. Хотя сами они ещё вчера с привычной своей убеждённостью и упорностью пропагандировали и распространяли то, что сегодня уже называют ересью. Поэтому наказывающую функцию спектакля и невежество зрителя частенько ошибочно принимают за враждебные друг другу факторы, хотя на самом деле они тесно завязаны. То же самое можно сказать и о двоичном компьютерном языке, который служит самым надёжным гарантом того, что компьютер будет постоянно, покорно и ревностно исполнять то, что было кем-то запрограммировано. Компьютер не нуждается в вечном источнике совершенной, беспристрастной и всеобъемлющей логики. Какой прогресс, какие скорости, какое невиданное словарное богатство! Вам словарь по политике или социологии? Выбирайте! Но только один. Вам никуда не деться от этого выбора. Они глумятся над нами — знаем мы, для кого предназначены все эти программы! Поэтому неудивительно, что детей

заставляют с малолетства постигать азы Абсолютного Знания компьютерной науки, что они и делают, причём с энтузиазмом. Ведь это же не чтение, где следует напрягать извилины над каждой строчкой — дети зачастую садятся за компьютер ещё до того, как научатся читать. А ведь книги — это единственный способ постичь всё богатство человеческого опыта, накопленное до становления спектакля. Искусство разговора практически умерло, в скором будущем большинство вообще разучится говорить.

Основной причиной упадка современной мысли, очевидно, является то, что для дискурса спектакля вообще нет такого понятия как «ответ», в то время как логика возникла в обществе именно через диалог. Более того, когда настолько велико и распространено уважение к тем, кто общается в рамках спектакля, когда их считают богачами, счастливыми и авторитетами, у зрителя возникает желание подражать спектаклю и его алогичности, чтобы тем самым стать индивидуальным отражением всех этих авторитетов. В конце концов, логика — наука не простая, логике никто вас не научит. Наркоманы не изучают логику, она им не нужна, да и если бы они даже пожелали — они бы не смогли её изучить. Леня зрителя переняли интеллектуалы и новоиспечённые специалисты, — все они пытаются скрыть ограниченность своих познаний, тупо вторя догматам и алогичным аргументам, ранее услышанным от авторитетов спектакля.

XI

Принято считать, что те, кто поступают вопреки логике, являются чуть ли не самопровозглашёнными революционерами. Это непозволительное упрощение пошло ещё с тех пор, когда подавляющее большинство мыслило хоть немного, но всё-таки логично, за невероятным малым исключением в виде откровенных идиотов и бунтарей; однако в то время ещё можно было позволить себе такую вольность, ибо она, несмотря ни на что, содержала в себе рациональное зерно. Но сегодня никуда не деться от того факта, что интенсивное поглощение спектакля, как мы и ожидали, превратило большинство наших современников и беспомощных и жалких слуг идеологии. Отсутствие логики, или лучше сказать, потеря способности мгновенно выявлять важное, а также отсеивать незначительное и к делу не относящееся, несоответствующее по смыслу и попросту ненужное — вот симптомы той болезни, смертельную дозу которой намеренно вкололи населению анестезиологи и воскресители спектакля. Однако нетрудно догадаться, что у настоящих бунтарей логики-то побольше, нежели у пассивных жертв. Понятно, что это лишь очередное наглядное доказательство окружающей иррациональности. Хотя надо оговориться: все эти бунтари, щеголяя своими целями и программами, на самом деле ещё и пытаются претворять в жизнь свои практические проекты, пускай за этими проектами зачастую скрывается желание читать какие-то определённые тек-

сты, а затем бахвалиться их пониманием. Они посвятили себя преодолению логики даже на уровне стратегии, которая сама по себе есть поле применения диалектической логики конфликтов; но, как и всем остальным, им просто не достаёт способности ориентироваться при помощи старых, несовершенных орудий формальной логики. Но кого заботят их проблемы!? Сейчас вообще мало кто заботится о своём ближнем.

Индивид, на котором убогое мышление спектакля отпечаталось сильнее, нежели иные аспекты его жизнедеятельности, с самого рождения становится на службу существующему режиму, пускай со стороны его намерения могут казаться прямо противоположными. Он будет в обязательном порядке следовать языку спектакля, так как это единственный язык, который он знает, который он учил. Несомненно, он захочет, чтобы его принимали за врага риторики этого языка, но при этом он будет беззастенчиво использовать его синтаксис. Это один из наиболее важных аспектов установившегося господства спектакля.

Постепенное обнищание старого словарного запаса — всего лишь один из моментов данного процесса. Однако он является знаковым.

ХII

Процесс обезличивания неизменно проявляется там, где каждое индивидуальное бытие подчинено правилам спектакля, т.е. ещё больше отдалено от возможности аутентичного переживания, а потому, и от обнаружения собственных предпочтений. Удивительно, но именно постоянное самоограничение является той ценой, которую индивид платит за собственный общественный статус. Подобное существование требует от человека лишь сиюминутного влечения: он обязан купить столь желанный товар-пустышку — и тут же в нём разочароваться. Индивид обречён вечно «отставать от жизни» при этой самоподстёгивающейся инфляции производства товарных фетишей — знаков жизни. Наркотики помогают смириться с такой действительностью, лишь безумие в состоянии от неё избавиться.

Во всех сферах общества, в котором распределение товаров централизовано таким образом, что оно определяет — одновременно и тайно, и иезуитски явно — само понятие «желаемого», иногда случается так, что все личности, которых почитают за ум, иные положительные качества, иногда даже за мудрость, — оказываются попросту . . . вымышленными. Этих персонажей создают специально для того, чтобы они расхваливали какую-то отдельную торговую марку. Единственная задача сейчас — скрыть с глаз долой или как можно лучше замаскировать тот факт, что производственные отношения определяют всё.

Несмотря на часто возникающее намерение, наконец-то, представить на суд публики статую «героя нашего времени», всесторонне выдающейся личности, и даже не взирая на грозные заявления и попытки претворения в жизнь

этой затеи, спектаклю удаётся продемонстрировать как раз обратное — статую невиданного уродца-карлика. Причём это происходит не просто потому, что на месте самого искусства или дискуссии об искусстве обосновалась какая-то отвратительная гнусь, которая не в состоянии воздвигнуть ни одного красивого памятника. Дело в том, что вокруг нас одни шарлатаны сражаются с другими; от этой битвы у публики стыннут поджилки, и все гадают, кто же из них упадёт первым? К примеру, адвокат, который, вообще говоря, призван защищать обвиняемого в судебном процессе, зачастую целиком подпадает под влияние аргументов истца, пускай они такие же дутые, как и его собственные. Иногда также случается, что сам подозреваемый, несмотря на свою невиновность, соглашается с тем, что ему вменяют, а делает он это просто потому, что ему вскружила голову логика обвинения, которая и заставила его увериться в собственной вине (см. дело доктора Аршамбю в Пуатье, 1984 г).³

Сам МакЛухан, первый апологет спектакля (к слову сказать, такой идиот, с каким, наверное, никто уже в XX веке не сравнится), в 1976 году вдруг резко сменил свою точку зрения, когда обнаружил, что «всевластие СМИ ведёт к иррациональности», и, опомнившись, стал вопить, что с этим де надо что-то делать. «Мудрец» из Торонто — он несколько десятилетий подряд только и делал, что воспевал свободы, которые открывала перед человечеством «мировая деревня», насладиться житьём в которой каждый может по первому своему желанию. А ведь деревни тем и отличаются от городов, что всегда были движимы конформизмом, изоляцией, мелочной слезжкой, всепоглощающей тоской и ожесточёнными сплетнями об одних и тех же семьях. Это как ничто лучше описывает вульгарность современного спектакля, в котором всё перепуталось не хуже кровнородственных связей между династиями Гримальди-Монако, Бурбонов-Франко и теми, кто последовал за Стюартами. Тем не менее, сегодняя неблагодарные ученики МакЛухана стараются заставить людей забыть о нём, надеясь устроить свою карьеру, превознося заслуги медиа и славя все их эфемерные свободы. Впрочем, сомневаться не стоит: и трижды не пропоёт петух — как они отрекутся от своих взглядов, причём сделают они это с ещё большей легкостью, чем их несчастный учитель.

XIII

Спектакль ни от кого не утаивает того факта, что чудесный порядок, установленный им, со всех сторон окружают смертельные опасности. Загрязнение океана и уничтожение экваториальных лесов угрожают содержанию кислоро-

³ Дело доктора Аршамбю. В 1984 году, надо полагать, из жалости, коллеги доктора Аршамбю по клинике отключили аппараты искусственного дыхания у нескольких пациентов, находящихся в реанимации. Позднее точно было установлено, что сам Аршамбю не принимал участия в данном преступлении, однако настоящие преступники так и не были найдены.

да в атмосфере, промышленный рост приводит к возникновению озоновых дыр, радиационные отходы продолжают накапливаться в почве. Для спектакля всё это не имеет особого значения. Он лишь туманно разглагольствует о датах и размерах предстоящего бедствия. И если раньше, до возникновения спектакля, общественность подняла бы по этому поводу невиданный шум и, в конце концов, нашла бы пути решения всех этих проблем, — то здесь спектакль попросту сумел всех успокоить.

Демократия спектакля действует куда хитрее и осторожнее, нежели жестокий и прямолинейный тоталитарный диктат. Она может сохранить старое наименование за тем, что было тайком подменено и профанировано в самой своей сути (как пример — современное пиво, говядина или философы). И при этом она с лёгкостью может переименовать то, что прежде использовала тайно. В Англии, например, Уиндсейлский завод по переработке ядерных отходов, после ужасающего пожара в 1957 году, был переименован в Селлафилдский для того, чтобы отвести подозрения и не тратиться на преодоление последствий этого пожара, так как после него во всей округе резко возросла смертность от рака и лейкемии. Спустя тридцать лет, по всем канонам «демократии», общественность счастливо узнала о том, что Британское правительство намеренно засекретило доклад о произошедшей катастрофе, считая, причём небезосновательно, что он поколеблет уверенность общества в безопасности ядерной энергетики.

Практическое применение ядерного распада, как в военных, так и в гражданских целях, требует куда большей степени секретности, нежели другие области промышленности, хотя и они, как мы знаем, достаточно засекречены. Производить жизнь — сиречь лгать — особенно удаётся тем «мудрецам», которых специально отбирают хозяева спектакля. Кроме того, как выяснилось, спектаклю очень выгодно вмешиваться даже в такую, казалось бы, незыблемую область, как систему измерений: сообразуясь с различными критериями, спектакль подправляет старые и создаёт новые эталоны и меры для того, чтобы впоследствии жонглировать ими по своему усмотрению, запутывая зрителя пересчётами с одной единицы на другую. Если уж мы заговорили о радиации, то вот, посмотрите: измеряя её уровень, каждый может выбрать себе единицу измерения по вкусу: кюри, беккерели, рентгены, рады или же сантигрэи, рэмы, не забывая и о скромных миллирадах и сивертах, которые составляют порядка ста рэмов. Не правда ли, напоминает старую британскую денежную систему, которая не раз играла злую шутку с иностранцами ещё в те далёкие дни, когда Селлафилд назывался Уиндсейлом?⁴

Каждый может представить себе, какой бы точности и скрупулезности до-

⁴ В Великобритании и некоторых её колониях до 1970 года действовала следующая денежная система: 4 фардинга = 1 пенни, 12 пенсов = 1 шиллинг, 2 шиллинга = 1 флорин, 5 шиллингов = 1 корона и, наконец, 20 шиллингов = 1 фунт (соверен).

стигла бы в XIX веке военная наука, если бы теоретики стратегии, чтобы не выдавать слишком много секретной информации нейтральным комментаторам или вражеским историкам, неизменно описывали бы военные кампании следующим образом:

«Начальная фаза боевых действий состояла из серии боёв, в ходе которых, с нашей стороны, сильный наступательный отряд под командованием четырёх генералов встретил неприятельские силы в размере 13,000 штыков. В дальнейшем разразилось яростное сражение на определённом участке. Наша наступающая армия насчитывала 260 пушек и 18,000 сабель тяжёлой кавалерии, в то время как ряды противника насчитывали не менее 3,600 пехотных лейтенантов, 40 капитанов гусар и 24 капитана кирасир. Последовавшая серия наступлений и отступлений с обеих сторон показала, что сражение зашло в тупик и победителя определить невозможно. Наши потери были меньше, чем обычно бывают при таком длительном и кровопролитном сражении, при этом они были ощутимо больше потерь, которые понесла армия Александра Македонского при Марафоне, однако гораздо меньше тех, что понесли Пруссаки под Йеной».

В подобном примере специалист может в принципе определить, сколько же войск всё-таки участвовало в сражении. Зато, как и требовалось, ход военных действий остался тайной.

В июне 1987 года Пьер Баше, заместитель директора по техническому оснащению государственного предприятия Electricite de France, рассказал о новейшей доктрине по безопасности атомных электростанций. По его мнению, установка специальных клапанов и фильтров поможет легко избежать крупных катастроф, таких как растрескивание или взрыв реактора, которые в любом случае затронут весь «регион». Такие катастрофы, якобы, происходят по причине чрезмерного сдерживания реакции. Когда возникает опасность того, что электростанция может взорваться, он предлагает плавно уменьшать давление в реакторе, покрывая при этом радиоактивными осадками лишь ограниченную область диаметром несколько километров, напроочь забывая о том, что эта область может быть самым рискованным образом расширена в любую сторону по одной лишь воле ветра. Он снимает завесу тайны над «благоразумными» экспериментами, которые проводились в течение двух последних лет в Кадараше и Дроме, и которые «дали понять, что выбросы заражённого газа при этом бесконечно малы, — в самом худшем случае они несут с собой один процент от радиоактивности самого реактора». Однако правда ли, что этот один процент «в среднем» — не так уж страшен? Надо сказать, раньше мы старались сделать так, чтобы риска вообще не было, за исключением совсем уж невероятных ситуаций. Однако опыт последних лет вынудил изменить данное суждение: так как чрезвычайные ситуации могут

произойти всегда, следует избегать лишь порога, когда они перерастают в настоящие катастрофы, а сделать это, как выясняется, довольно просто. Достаточно заражать территорию потихонечку, помаленечку, «в среднем». И вправду, кто не согласится с тем, что ограничивать себя традиционными стаграммами водки в день и выдерживать такой режим в течение нескольких лет полезнее для здоровья, нежели напиваться до потери пульса как это делают поляки?

Нам вдвойне не повезло, что мы столкнулись со всеми этими тревожными проблемами в то время, когда уже физически невозможно услышать хотя бы возражение к языку спектакля, а также когда сама власть начала верить, что думать ей не нужно. В самом деле — она уже не в состоянии думать, ведь спектакль ограждает её от какой-либо ответственности за свои несогласованные и бредовые решения и суждения. Вы же все такие убеждённые демократы — так почему вы не хотите выбрать себе более осмотрительных и трезвомыслящих хозяев?

На международной конференции экспертов, которая проходила в Женеве в 1986 году, рассматривался один очень простой, но важный вопрос: о всемирном запрете на производство фреона. Этот газ в последнее время начал быстро разрушать и без того тонкий озоновый слой атмосферы, который защищает нашу планету от пагубного воздействия солнечных ультрафиолетовых лучей. Даниэль Вериль, представлявший одну дочернюю компанию Elf-Aquitaine и в этом качестве присутствовавший как член французской делегации, твёрдо встал на защиту фреона и сделал одно рациональное замечание: «потребуется целых три года, чтобы разработать заменитель для фреона, и стоит он будет в четыре раза дороже». Но мы знаем, что хрупкий озоновый слой никому не принадлежит, хотя бы из своей недосыгаемости, а потому он не может иметь рыночной стоимости. Этот индустриальный стратег продемонстрировал оппонентам своё нескрываяемо наплевательское отношение к экономике, сказав буквально следующее: «Очень опасно основывать индустриальную стратегию на императивах окружающей среды».

Тот, кто давным-давно начал критику политэкономии с того, что обозначил её как «окончательное отрицание гуманизма» не ошибся. Мы ещё увидим, как она, в конце концов, нас всех сожрёт.

XIV

Иногда говорят, что современная наука проникнута раболепием перед запросами прибыли, однако никакого открытия в этом нет. Что нового в том, что экономика в открытую объявила войну всему человечеству, посягнув не только на наши жизненные возможности, но и на саму нашу надежду на выживание. Вот поэтому-то наука и решила встать на службу господствующему

порядку спектакля, отказавшись при этом от своей былой оппозиции к любому рабству, несмотря на то, что она провела в этой оппозиции значительную часть своей истории. А ведь, заметьте, до этого наука была относительно самостоятельной. Ну что же, она старательно изучила подвластную ей долю реальности и решила сделать свой незаменимый вклад к всёвозрастающим экономическим ресурсам. Чуть только всевластие экономики стало бессмысленным (а именно этим и характеризуется зрелищное время), она поспешила уничтожить последние следы былой независимости науки, одновременно и в методологии, и в практических рабочих условиях для её «исследователей». Раньше задачей науки было — познание мира, улучшение жизненных условий. Сейчас от науки требуется немедленное и безусловное оправдание всего, что в этом мире происходит. Общество спектакля срубило раскидистое дерево научного познания для того, чтобы сделать из него полицейскую дубинку — причём так нагло и безапелляционно оно поступило далеко не только с наукой. Чтобы вслепую подчиняться социальному заказу и неизменно оправдывать окружающие бытие — мыслить, собственно, и не нужно, достаточно просто быть натренированным до такой степени, чтобы откликаться на первый зов спектакля. О, презренные времена! Наука с невиданным рвением и абсолютно добровольно подалась в проститутки!

Вполне естественно, что с первыми симптомами наступившего декаданса буржуазного общества возникли науки-апологеты. С ужасающей быстротой разнеслись по свету все эти многочисленные «человеческие» лженауки. Даже современная медицина, за которой прежде числилось огромное множество разных заслуг, таких, как победа над оспой или проказой, позорно капитулировала перед лицом радиационного и химического заражения. Очевидно, что сегодня медицина уже не имеет права защищать здоровье людей от вредного воздействия окружающей среды, — для фармацевтических компаний и, более того, для всего государства это стало бы настоящим вызовом. Причём не просто потому, что современной науке стыдно показывать свою запущенность, а скорее по той причине, что кроме пустых разговоров она уже ни на что не способна.

В ноябре 1985 два профессора, Эвен и Эндрю из Лэнекского госпиталя, поспешили уведомить общественность о том, что они нашли эффективное лекарство от СПИДа, о чём, якобы, свидетельствовали опыты над четырьмя пациентами, которые длились одну неделю. Спустя два дня после сделанного заявления эти пациенты всё-таки умерли, и несколько других докторов, возможно, из зависти, что их исследования не зашли так далеко, а возможно, и просто из жалости к умершим, обвинили профессоров в их излишнем стремлении праздновать победу. Особенно их возмутило то, что их претенциозное заявление было сделано всего за несколько часов до того, как состояние пациентов резко ухудшилось. Но Эвен и Эндрю в своё оправдание бесстрастно заявили: «в конце концов, пускай уж будет ложная надежда, чем никакая». Впрочем, этим невеж-

дам не дано понять, что такими аргументами они отвергают сам научный дух. Ещё задолго до того, как таких людей стали брать на работу в больницы, подобными доводами ограждали себя от нападков и гнева толпы всякого рода шарлатаны и целители.

Официальная наука зашла в тупик. В лучших традициях общества спектакля, она, потрясая своей новизной и материальной оснащённостью, притягивает к себе откровенных фигляров: фокусников, балаганных зазывал и клакеров. Неудивительно, что похожим образом вылезает на свет со свалки истории и возвращает себе былую славу всякая нечисть: провидцы и секты, навроде дзен-буддистов или мормонов. Невежество масс всегда служило хорошей опорой для власти, к примеру, только под его прикрытием можно искусно пользоваться пробелами в законодательстве. Стоит ли удивляться поэтому, что власти стало выгодно распространение безграмотности и суеверий? Особенно поражает лицемерие ЮНЕСКО: когда речь шла о неграмотности в отсталых странах — всё было нормально, но чуть только похожее явление вдруг начало проявляться и в так называемых развитых странах, пожалуйста: вместо «неграмотности» возникло новое определение: «языковые трудности». Доигрались: ждали Груши, а дождались Блюхера. Теперь эта национальная гвардия экспертов живо и лихо заменит определение «неграмотность» на «языковую трудность». Ну что же, и «лжепатриот» иногда может послужить на благо нации. Чуть только этот дикий неологизм прижился в преподавательской среде, с данным определением, как и следовало ожидать, опять произошла метаморфоза: если раньше неграмотными считались те, кто никогда не учился читать, то людьми с «языковыми трудностями» сегодня считаются те, кто уже учились и учились хорошо (раньше ведь в школах преподавали лучше и следили за успеваемостью строже), но чуть только представилась такая возможность — быстренько читать разучились. Такое объяснение никого не должно успокаивать — оно, наоборот, должно обескураживать! Ведь это не научно — выявить явление и даже не задуматься над его причинами и тем, как с ним бороться. Никогда такого не было, чтобы прогресс порождал тупоумие, и чтобы аналитический и практический застой шли рука об руку.

XV

Более столетия назад А.-Л. Сарду в своём «Новом словаре синонимов французского языка» выявил ряд нюансов, которые не следует забывать при использовании слов «лживый», «обманчивый», «жульнический», «обольстительный», «коварный» и «каверзный». Если взять эти слова и сделать из них своего рода цветовую палитру, то ей можно будет нарисовать отличный портрет общества спектакля. Он пишет:

«Лживый» (лат. *fallaciosus*) — приспособленный или приученный к обману, насквозь им пропитанный; определение данного прилагательного эквивалент-

но превосходной форме слова «обманчивый». «Обманчивое» — это то, что обманывает или каким либо образом вводит в заблуждение. «Лживое» — это то, что обманывает намеренно, с определённой целью — ввергнуть в заблуждение, причём делает это с искусственной и сбивающей с толку уверенностью, тем самым, злоупотребляя доверием. «Обманчивый» — это более общее и гибкое понятие; неясные намёки, смутные очертания — всё это можно оценить как «обманчивое». В то же время «лживое» подразумевает двуличность, умышленный обман, жульничество. Например, речь софиста, его клятва или рассуждение являются именно лживыми. Слово «лживый» имеет определённое сходство со словами «жульнический», «обольстительный», «коварный» и «каверзный», однако отождествлять их не стоит. Слово «жульнический» включает в себя все формы лицемерия или скрытности, которые применяются с целью кого-то оскорбить или нанести ущерб, сюда включается притворство, клевета и т.д. «Обольстить» — значит втереться кому-то в доверие, чтобы затем самым жестоким и немилосердным образом обмануть. «Коварный» — значит полный ловушек. «Каверзный» — это нечто берущее врасплох. Слово «лживый» включает в себя большинство из этих определений».

Жалко только, что во времена Сарду ещё никто не мог расписать подобным образом слова, характеризующие опасности, с которыми сегодня сталкиваются большинство революционных организаций. Увы, доктринёры «вооружённой борьбы» никогда не принимали во внимание различий между выражениями: «введённый в заблуждение», «спровоцированный», «засланный», «манипулируемый», «узурпированный» и «купленный».

XVI

Не так давно к нам из России, наряду с другими полезными новшествами, используемыми при руководстве государством, была импортирована относительно новая концепция дезинформации. Она в открытую поддерживается определенными силами в обществе, точнее, теми людьми, которые в своих руках держат фрагменты политической и экономической власти. Прямая задача дезинформации — поддерживать существующий строй, т.е. охранительная функция. Очевидно, что официальной истине может противостоять только дезинформация, исходящая от враждебных, или хотя бы конкурирующих сил, которые заинтересованы в злонамеренном подлоге. Дезинформация — это не просто отрицание факта, угодного власти, это даже не пропаганда факта, который не устраивает власть — это настоящая паранойя. В отличие от обыкновенной, прямолинейной лжи, дезинформация должна в обязательном порядке содержать в себе определённую долю истины, которой будет нарочно манипулировать противник. Вот почему дезинформация так пришлась по душе апологетам господствующего общества. Власть, слишком отвлекающаяся на дезинформацию, уже сама перестаёт верить в свою правдивость, однако

знает, что в состоянии сделать любую более или менее ценную критику чем-то незначительным, т.е. слить её вместе с другими помоями в огромный чан дезинформации. А раз нет критики — то и ошибок власти никто не заметит.

По сути, дезинформация — это пародия на правду. Кто-то ворчит, что это плохо, кто-то утверждает, что это глупо. Однако выше мы упомянули, что её может распространять лишь враг существующего общества, но кто же этот враг? Понятное дело, что это не терроризм, ибо в самой его онтологии заложена серьёзнейшая изъясняющая способность, который ни за что не позволит ему кого-либо «дезинформировать». Из-за своей этимологии и из-за того, что всё ещё свежа память о тех локальных конфликтах середины XX века, в которых выясняли силы Восток и Запад, концентрированный и расплывчатый спектакли, капитализм интегрированного спектакля всё ещё делает вид, что бюрократический тоталитаризм — его главный враг. Впрочем, сейчас главным врагом начинают называть ещё и террористические организации с присущим им боевым духом, хотя можно найти бесконечное число доказательств того, что и терроризм и бюрократический тоталитаризм всегда с удовольствием помогали в развитии и подкидывали новые идеи интегрированному спектаклю. Однако любая установившаяся власть, несмотря даже на то, что в ней самой неизменно происходит мелкая грызня, никогда не забывает давний лозунг, брошенный сразу после начала первой Мировой Войны немецкими интернационалистами: «Главный враг — внутри». Тогда их, впрочем, подняли на смех, и никакого резонанса заявление не получило, да и сейчас власть старается не особо афишировать этот лозунг. Но следует отметить, что в XIX веке дезинформацию непременно называли бы «опасным развлечением». Ведь она ставит под угрозу всё то неизбежное счастье, которое современное общество дарит всем, кто ему доверяет, счастье, которое явно перевешивает все существующие риски и возможности разочарования, существующие в мире. И каждый, кто обрёл это счастье в спектакле, согласится с ценой, которую за него заплатил; все, кто думает иначе, автоматически переносятся в разряд дезинформаторов.

Итак, спектакль яро выступает против дезинформации, однако это только уловка, чтобы отвести от себя подозрения: вдруг внутренний язык спектакля сам по себе содержит дезинформацию? Что тогда? Но пусть пока спектакль потешит себя надеждой, с научным пафосом утверждая, что дезинформация может быть только в том, что противоречит спектаклю.

Не так давно во Франции различные СМИ начали лепить на себя ярлыки: «У нас нет дезинформации!» Понятное дело, что это всего лишь ловушка. Больные на голову профессионалы медиа до сих пор верят или, по крайней мере, хотят верить в то, что они неподвластны жёсткой цензуре. Однако современная концепция дезинформации, выполняя защитную функцию, никогда не предназначалась для пассивной обороны, она не предполагает строительства линии Мажино и Великой китайской стены, которые бы смогли полностью оградить общество от дезинформации. Вовсе нет, дезинформация должна

присутствовать и при этом казаться чем-то вездесущим и всепроникающим. Тем более, зачем защищать спектакль тогда, когда его никто не атакует? Это привело бы лишь к тому, что концепция дезинформации износилась раньше времени — тем более что для её опровержения подчас бы пришлось пользоваться такими фактами, о которых широкая публика в принципе знать не должна. Власти на самом деле и не нужно, чтобы дезинформация полностью исчезла. К тому же, они не в состоянии этого добиться — они могут лишь относиться с подозрением к любой информации. Дезинформация предназначена для контратак. Её держат в резерве на случай, если вдруг кто-то начнёт говорить правду.

А что если возникнет опасность появления нерегулируемой дезинформации, которую начнёт продвигать какая-либо заинтересованная партия или сторона? Вдруг этой новой дезинформации поверят, она выйдет из-под контроля и затмит собой прежнюю, обузданную дезинформацию? Бояться нечего — власти наймут ещё более обученных и прозорливых специалистов-манипуляторов, которые сочинят ещё пущую дезинформацию. Чему удивляться — дезинформация распространяется в мире, где истину уже не проверишь и не отыщешь.

Когда выяснилось, что критику невозможно замолчать, на помощь пришла синкретическая концепция дезинформации. К примеру, если текст покажется неудобным, то достаточно и минуты, чтобы объявить: «данный текст содержит дезинформацию о спектакле!» Или, что тоже самое, «он несёт вред для демократии!» — И всё! Текста уже как бы и нет!

Не важно, как именно спектакль определяет дезинформацию. Следует уяснить, что дезинформация служит государству здесь и сейчас, напрямую подчиняется ему или его подельникам. Дезинформация на самом деле стала неотъемлемой частью всей существующей информации и, конечно же, главной её характеристикой. О ней можно говорить лишь там, где общественная пассивность поддерживается путём банального запугивания. Дезинформация существует только там, где исчезло само понятие «дезинформация» и наоборот.

В те далёкие времена, когда ещё идеологии сражались между собой, отчаянно споря и выражая свои «за» и «против» по каждому аспекту реальности, существовали фанатики и лжецы — но не было «дезинформаторов». Однако спектакль привёл мир к «консенсусу» и его слава уже никому не позволяет честно выступать «против» или от всей души быть «за». Если спектаклю что-то не нравится, если он чувствует опасность — он призывает на помощь дезинформацию, и та, не долго думая, ставит на лоб грозному врагу своё клеймо и отправляет его тем самым на свалку истории. К примеру, после 1968 года в политической жизни возникло немереное число любителей угоститься на дармовщинку, «gratis», с удовольствием способствовавших становлению интегрированного спектакля. Они и стали первыми профессиональными дезинформаторами:

они заявляли, что, якобы, приобщились к критике, но одновременно с этим упрямо уклонялись от любых конкретных действий. При этом они даже не давали ссылок на тех, у кого они надёргали элементы своей «критики», без тени смущения, выдавая получившийся шанхай идей за своё изобретение.

XVII

В 1967 году, перефразировав известную максиму Гегеля, я заметил, что «если мир перевернуть с ног на голову, истина в нём станет ложью».⁵ Сейчас, спустя много лет, оказалось, что я даже не сгустил краски: повсеместно, куда бы вы ни заглянули — везде вы убедитесь, что это так.

В нашу эпоху классическое искусство предаётся забвению — его попросту перестают понимать, а ничего нового уже не создаётся. Повсеместно эксплуатируется невежество. Смысл истории теряется, вкусы извращаются, зато лапшу на уши нам уже начали вешать в централизованном порядке. Достаточно подкупить экспертов и оценщиков, чтобы их руками контролировать мир: рыночная стоимость здесь решает всё. Взять хотя бы музеи и коллекционеров, особенно американских, — для того, чтобы поддерживать свою репутацию они послушно втридорога покупают на аукционах всякую дребедень, а потом ещё хвастаются, что смогли обмануть хитрых аукционных крыс. Такая же ситуация с Международным валютным фондом: закабалив полмира своими кредитами, он снискал только славу и уважение.

Фальшь подчинила себе вкусы общества и сожгла мосты к любой аутентичности. Само определение «подлинности» было подменено таким образом, чтобы оно больше походило на понятие «подделки». Американцы — самая богатая и современная нация в мире, а потому они и схватили главный куш в этой погоне за фальшивым искусством. Не стоит обольщаться тем, что они спонсируют восстановление Сикстинской капеллы и Версаля: теперь фрески Микеланджело не будут уступать в яркости и свежести красок диснеевским мультфильмам, а оригинальные интерьеры Версаля заблестят фальшивой позолотой и будут отлично гармонировать со сделанными в Техасе нарядами для восковой фигуры короля Людовика XIV.

Суждение Фейербаха о том, что в его эпоху «образ предпочитают вещи, копию — оригиналу, представление — действительности, а видимость — бытию» было полностью доказано обществом спектакля. Причём, это теперь касается даже тех сфер, на которые в XIX веке данное правило не распространялось, например, на индустриальный капитализм. Вот почему буржуазия так рьяно вдруг принялась отстаивать интересы музеев, встала на сторону беспристрастной исторической критики и занялась меценатством. Впрочем, также поражает их навязчивое желание заменить всё настоящее — искусствен-

⁵ См. «Общество спектакля» гл. 1

ным. Например, на площади Согласия в Париже лошадей Марли заменили пластиковыми копиями, так как оригинальные статуи начали разрушаться под воздействием выхлопных газов, то же самое произошло и с римскими статуями на въезде в Сен-Трофим в Арле. Ну что же, фотографии у туристов получатся даже лучше чем прежде.

Но больше всех отличился, конечно же, Китай, выставив недавно на встрече с иностранными делегациями целую армию промышленных чиновников — жалкое подобие терракотовой армии Первого императора. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. У каждого чиновника было по десятку советников, но ни один из них не знал ничего про Китайское искусство, да и вообще не знал ни о чём, кроме промышленности. «Извините, у компьютера нет данных по этому предмету». Пожалуй, впервые в истории случилось так, что страной правят люди, которые ничего не смыслят в искусстве, не могут отличить подлинник от подделки. Страшно подумать в какую пропасть заведут мир все эти идиоты, которые надменно величают себя экономистами и управленцами.

XVIII

Наше общество насквозь пронизано секретностью. Тут и «вольные каменщики», тщательно скрывающие консолидированное могущество своих членов; сюда относятся и всякого рода «государственные тайны», которые освобождают государство от любых рамок закона. Что уж тут говорить о том, на какие ухищрения подчас решаются производители, когда хотят с помощью рекламы представить свой низкопробный товар как верх научного прогресса. А чего стоят экстраполяционные прогнозы, в которых власть отмечает таинственное действие на себя тех факторов, которые она уже, вроде бы, победила. Впрочем, можно сделать и много других наблюдений.

В городах и окрестностях всё больше становится мест, куда закрыт доступ зевакам и непосвящённой публике, как, впрочем, и шпионам. И хотя не все они имеют военное назначение, охрана их строится именно по военной модели. Внутри таких объектов не допускаются не только случайные прохожие, но даже и полиция, чьи полномочия в последнее время сократились до выслеживания и наказания простейших, в основном бытовых правонарушений. Вот почему Альдо Моро был узником именно тюрьмы «Potere Due», из которой можно было при желании убежать, но в которую нельзя было попасть.

Всё больше и больше становится людей, которых готовят и обучают исключительно подпольной деятельности. Одни из них владеют секретными архивами, т.е. имеют доступ к засекреченным данным и анализам. Другие заняты тем, что ищут способы: как наиболее эффективно манипулировать этими секретными данными и как заставить их работать на себя. Ну и, наконец, есть ещё и

третьи, так называемые «люди действия», которые, собственно, и разгребают жар.

Год от года вкладывается всё больше и больше средств в агентов разведки и влияния, благо обстоятельства этому только потворствуют. Новые условия общества интегрированного спектакля привели к тому, что критика ушла в подполье, однако не потому, что захотела спрятаться, а потому, что её затолкала туда громоздкая система принуждения и господствующего мышления. Понятное дело, что произошло это не само собой, — кто-то сначала прощупал почву, а затем применил вполне привычные и традиционные методы для её уничтожения — само собой, они были подпольными: активно использовалась провокация, внедрение агентов влияния и другие способы дискредитации аутентичной критики в пользу фальшивой — заранее подготовленной для этой благой цели. Словно снежный ком растёт всеобщий обман создаваемый спектаклем, — материалом для этого роста служит ложь тысяч и тысяч отдельных индивидов. Отсутствие логики приводит к тому, что многие судебные разбирательства, подчас фальсифицированные от начала до конца и скатившиеся оттого в бездну иррациональности, поступают в ведение таких вот «чрезвычайных» экспертов. Доходит до того, что если преступление не получается объяснить, на него просто наклеивают ярлык «суицид».

Мы уже привыкли к массовым казням: казнят правых и виноватых; с террористами, или с теми, кого за них считают, открыто борются террористическими методами. Моссад организовал убийство Абу Джихада, SAS⁶ может таким же образом начать убивать ирландцев, а параллельная полиция GAL⁷ — басков. Понятно, что свои цели террористы выбирают не случайным образом, однако что движет ими — остаётся для многих загадкой. Кто-то считает, что железнодорожную станцию в Болонье взорвали специально для того, чтобы укрепить рейтинг правительства Италии; кто-то сомневается в действительном существовании «бригад смерти» в Бразилии; кому-то не верится, что мафия может сжечь отель в США, для того чтобы в штате скорее приняли закон о легализации ракеты. Но какие мотивы были тогда у безумных брабантских⁸ убийц? Здесь уже ничего подходящего на ум не приходит. *Cui prodest?* — когда в этом деле замешано столько разных интересов! Как результат, в обществе интегрированного спектакля наша жизнь и смерть подчинена воле случая.

Если СМИ или полиция невзначай пустят какой-нибудь слух, то он немедленно — в крайнем случае, после нескольких повторений в эфире — станет

⁶ SAS — английская антитеррористическая служба

⁷ GAL — испанская антитеррористическая служба

⁸ Безумные брабантские убийцы — в начале 80-х Бельгия была потрясена кровавой серией убийств. Вооружённая банда совершала рейды по супермаркетам, убивала каждый раз в среднем шесть-семь человек, забирала какую-то ничтожную сумму из кассы и благополучно скрывалась. Впрочем, упорно ходили слухи, что выбор жертв был не случаен, и что убийцы были членами неонацистских организаций.

общеизвестным и доказанным фактом. Мифическая власть спектакля может запросто уничтожить негодную ей личность, окружив её непроницаемым ореолом молчания, а потом, сменив гнев на милость, даровать ей жизнь обратно. Их воскрешение всегда запрограммировано, специалисты, доказывая их существование, извлекают доходяг из небытия, словно джинов из бутылки. А пока в их услугах не нуждаются, они мирно дремлют себе где-то между Ашероном и Летой, толком не похороненные спектаклем. «Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря!»⁹. Кровавый террорист сбрил бороду и явился ко двору в нарядном костюме. И даже неуловимый вор теперь ничего не крадёт, а мирно заведует кофейней на Монмартре.

Однако так делается не везде. Зачастую власть защищается посредством инсценировки ложных атак, направленных, на первый взгляд, против самой власти, однако уже то, с каким рвением и полнотой данные атаки освещают СМИ, можно догадаться об их истинном заказчике. Так было, например, с нелепым захватом Кортеса (испанского парламента) членами испанской гражданской гвардии во главе с Техеро Молина. Однако за этим неудавшимся путчем, который подавили в течение 24 часов, как-то затерялось другое *pronunciamento*, куда более важное для политической жизни Испании. Ещё похожий пример — провал французских спецслужб при проведении спецоперации в Новой Зеландии в 1985, которой можно расценивать как очень хитрый стратегический шаг. Общественность, кажется, слишком негодовала по поводу всевластия спецслужб? — пожалуйста, теперь все убедились, что спецслужбы не только ставят перед собой нелепые цели, но и не в состоянии толком проводить спецоперации. Наконец, уже все, кажется, согласились с тем, что нашумевшие поиски нефти прямо под центром Парижа, о которых так громко трубили осенью 1986 года, затевались только для того, чтобы проверить, насколько изумится население, будет ли оно возмущено, если его вдруг начнут выгонять из собственных домов ради проведения совершенно бесполезных с экономической точки зрения геологоразведочных работ.

Что уж тут говорить о том, как посредством администрации президента США в Иран незаконным путём переправлялось оружие! И хоть бы кто-нибудь спросил: кто же на самом деле управляет США — главной силой в так называемом демократическом мире? Более того! Кто, чёрт возьми, управляет этим самым демократическим миром!?

Впрочем, надо зреть в корень: в мире, который отдал себя в услужение экономической необходимости, никто не знает действительной стоимости производимого товара. А было бы чертовски интересно узнать, сколько на самом деле стоит весь этот ширпотреб?

⁹ «Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря!» — начальные строки «Реквиема» Р-Л Стивенсона.

XIX

В начале 1988 года генерал Норьега неожиданно прославился на весь мир. Он был неофициальным диктатором Панама, командуя Национальной гвардией в стране, в которой нет армии. Панама, вообще говоря, — это не суверенное государство: именно она существует ради своего канала, а не наоборот. Её валютой является американский доллар, да и «армия», которая правит страной, по сути, тоже является иностранной. Поэтому, точно также как и генерал Ярузельский в Польше, Норьега полностью посвятил свою карьеру охране оккупационного режима, выступая начальником полиции. Так как сама Панама не приносила ему большого дохода, он импортировал наркотики в США, а затем переправлял «панамские» деньги в Швейцарию. Он работал на ЦРУ против Кубы, и для того, чтобы обезопасить себя и свои махинации, он пролил свет на импорт наркотиков в США через Панаму таким образом, чтобы всем показалось, что в это дело замешана Гавана. К зависти Вашингтона, его главным советником по безопасности был никто иной, как Михаэль Харари — бывший офицер Моссада, бесспорно лучший специалист в этой области. Когда США, наконец, решили избавиться от Норьеги, и несколько американских судов осторожно предъявили к нему претензии, он тут же заявил, что всегда был готов защищать себя от посягательств: ему не страшны ни иностранцы, ни свой собственный мятежный народ. Он тут же встал под знамёна антиимпериализма и тем самым заручился поддержкой общественности и менее эксцентричных бюрократических диктаторов Кубы и Никарагуа.

Вряд ли генерала Норьегу можно назвать типично панамским явлением: он продаёт и подделывает всё и вся. Тем же самым, если присмотреться, занят сегодня весь мир. Он является наиболее колоритным представителем интегрированного спектакля, именно таким деятелям спектакль обязан своими успехами во внешней и внутренней политике. Спектаклю нужны такие государственные деятели и такие государства, такие генералы, такие капиталисты. Норьегу можно назвать героем нашего времени, и если кто-то захочет прийти к власти и остаться надолго у её руля, тот должен брать с него пример. Не только в Панаме происходят такие чудеса — это примета нашего времени.

XX

Клаузевиц в своё время точно подметил, что знание должно рано или поздно стать властью. Это в высшей степени справедливо для спецслужб: именно из знания они черпают свою славу и свою воистину виртуозную манеру действия. Спектакль, как известно, подавляет любое проявление деятельности человека, а также очень не любит распространять информацию о деятельности других людей: понятно, что для спецслужб это совершенно неприемлемо, и поэтому

они тщательно отгородили себя от спектакля. Однако в этом убежище, как затем выяснилось, они оказались не одни — вместе с ними там окопались и другие личности, анализирующие предметы действительности и предпринимающие тайные действия над ними. Не так давно мир облетело сенсационное известие: оказалось, что на Маргарет Тэтчер одно время очень сильно давила Британская разведка и даже готовила на неё покушение, т.е. сегодня спецслужбы даже в состоянии сместить премьер министра, если его деятельность покажется им опасной. Как результат, спектакль снова ввязывается в «Великую игру» шпионских страстей.¹⁰

«Теория заговоров», возникшая в XIX веке, была наивным и откровенно реакционным суеверием, особенно в то время, когда массами руководили не какие-то полумифические масоны, а вполне реальные, крупные и могущественные общественные организации. Однако современные горе-бунтовщики воруют от них нос и более склонны верить слухам и домыслам, а также книгам с громкими названиями. Они призывают бороться с мировым злом, но при этом сами не желают и пальцем пошевелить — мечтателей всегда вгоняет в скуку потребность что-либо делать. Государство замечает данный факт и пользуется им.

Почти все события мировой политической жизни и, — что, наверное, даже более важно, — внутренней политики сегодня истолковываются и отображаются в стиле провокаций спецслужб. Везде зрителю мерещатся ловушки, дезинформация и двойные толкования, причём одно из этих толкований, возможно, призвано затмить собой другое, ну и т.д. Спектакль заточил нас в невыносимо скучный мир непостижимого. Реальность превратилась в утомительный, бесконечный детективный роман, столь же интересный, сколько ловля чёрного кота в тёмной комнате.

Телевидение показало красивую картинку и сопровождало её наглой ложью, а обыватели-идиоты ей поверили. В полуэлитарных кругах принято считать, что всё вокруг — амбивалентная мистификация, которую кто-то тайно «сконструировал» неизвестным кодом. Более посвящённая элита уже старается выявить истину, однако постоянно сомневается и путается, несмотря на всю свою посвящённость, доступ к тайным знаниям и самоуверенность — они тщатся найти саму квинтэссенцию истины, однако их влечение остаётся безответным.

XXI

Секретность господствует над миром, прежде всего, как секрет господства. Согласно спектаклю, секретность — это всего лишь досадное, однако необходи-

¹⁰ «Великая игра» (The Great Game) — широчайшая по размаху шпионская борьба между Российской империей и Великобританией за право обладать Индией. Термин был введен в рассказе «Ким» Редьярдом Кипплингом.

мое исключение из общего правила, по которому информация в современном мире избыточна и доступна каждому. Ещё интегрированный спектакль утверждает, что его «свободный мир» — это всего лишь оболочка, исполнительный орган власти на службе у всеобщей демократии. Но в спектакль на самом деле никто не верит. Что бы ответили зрители, если бы их вдруг спросили: «что вы думаете о существовании секретности в современном мире?» И правда, как вы допускаете, что секретность правит миром и, более того, вашей жизнью в этом мире? В мире, о принципиальных реалиях которого вы даже и не подозреваете? Действительно, сейчас никто не замечает секретность во всём её первозданном совершенстве и функциональной универсальности. Все допускают, что в ведении специалистов, может быть, и существуют какие-то секретные области, при этом, надо сказать, что многие уверены в своей собственной секретности.

Ла Бозси в своём труде «Discours sur la servitude volontaire» наглядно показал, что власть тирана с особой ревностью и подобострастием поддерживает, прежде всего, определённый круг лиц, которые обоснованно или нет, но верят, что помогать власти — вполне в их интересах. Именно таким путём многие политики и профессионалы СМИ, опасаясь потерять свой иммунитет, активно пользуются своими связями и оказанным доверием. Если им доверят доступ к секретной информации, они ни за что её не подвергнут критике, и лишь закроют глаза на то, что в ней принципиальные аспекты реальности, подчас, скрыты. Благодаря великодушию своих покровителей они видят чуть больше карт, чем все остальные; причём, не важно, что эти карты могут оказаться фальшивыми — правил игры они всё равно не знают. Поэтому они немедленно отождествляют себя со своими кукловодами и начинают дружно презирать «невежество» толпы, хотя сами ничуть не лучше. Те крохи информации, которые тирания отпускает своим приспешникам, зачастую отравлены ложью: их нельзя проверить, но ими можно запросто манипулировать. Однако те рады и таким жалким крохам, ибо они позволяют себя мнить хотя бы ненамного выше тех, кто вообще ничего не знает. Основная задача таких «профессионалов» — повышать авторитет власти и делать её как можно более непостижимой. Главная привилегия этих специалистов перед обычными зрителями, которые по дурости своей ещё наивно верят, что что-то понимают, заключается не в том, что эти эксперты действительно знают и понимают больше, а в том, что они верят, будто знают больше!

Власть не так глупа, как кажется — она ясно понимает, что её необузданное и бесконтрольное правление рано или поздно приведёт к огромному числу крупных катастроф, как экологического (например, химическое заражение воздуха), так и экономического характера (мировые финансовые кризисы). Одно время она, правда, заявляла, что в состоянии справиться со всеми этими неудачами, но и это было всего лишь дезинформаций.

XXII

За последние два десятилетия существенно возросло число громких убийств. Был убит Кеннеди, Альдо Моро, Олаф Пальме; убивали министров и банкиров, одного или даже двух Римских пап, а также некоторых, кто был ценнее всех их вместе взятых. Что самое интересное, ни одно из этих преступлений так и не было раскрыто. Создаётся такое впечатление, что это просто лишних марионеток пустили в расход, причём никто не задался вопросом о том, кто, собственно, главный кукловод в этом театре. Характер всех этих убийств был примерно одинаков, как одинаково нелепыми и беспомощными были официальные заявления по их поводу. Синдромы этой социальной болезни быстро распространились по всему обществу: раньше такое безобразие происходило лишь на самом Олимпе государственного устройства (в общем-то, традиционной сфере для подобного рода преступлений), а также в самой низине общественного устройства: в области рэкета и преступных разборок, где уже давно шла непримиримая борьба между профессиональными мафиози. Доселе между этими пластами общества было относительно спокойно, но теперь даже в середине общественного устройства стало опасно находиться — ведь именно там столкнулись интересы власти и мафии.

Не было отбоя от попыток объяснить, пролить свет на данные загадки, свети их к обычным преступлениям: кто-то винил во всём некомпетентность полиции, тупость судей, поспешные разоблачения прессы, кризис в спецслужбах, подкуп свидетелей, а кто-то и вовсе утверждал, что эти убийства устроили сами полицейские. Однако Эдгар Алан По уже задолго до этого пролил свет на истину в своём рассказе «Убийство на улице Морг»:

«Мне кажется, данное дело было намеренно признано неразрешимым: уж слишком оно было одиозным. В этом и кроется разгадка преступления. . . В расследованиях, которые нынче проводятся, уже не так часто задаётся вопрос «что же произошло», всех больше интересует — «что здесь произошло из того, что не происходило прежде?»

XXIII

В январе 1988 колумбийская наркомафия выпустила особое коммюнике, нацеленное на то, чтобы изменить общественное мнение по поводу своего предполагаемого существования. Сегодня любая мафия первым делом должна доказать, что она не существует или, по крайней мере, является жертвой лженаучной клеветы; и именно в этом она, прежде всего, схожа с капитализмом. Однако мафия оказалась в неприятном положении — она так рьяно опровергала собственное существование, что невольно стащила покрывало с тех, кто пользовался ей как козлом отпущения. Вот что гласило вышеупомянутое

коммюнике: «Мы не принадлежим к мафии политиков и бюрократов, финансистов и миллионеров, мы не имеем ничего общего с монополистической и нефтяной мафией, мы не заключаем мошеннические миллионные контракты и, тем более, не связываемся с мафией СМИ».

Несомненно, авторы данного коммюнике были заинтересованы, кроме всего прочего, чтобы их действия расценивались как банальные незаконные, преступные деяния, они хотели слиться с общим потоком, заливающим всё современное общество. Также мы не ошибёмся, если предположим, что эти люди, хотя бы из-за своего ремесла, знают, о чём говорят. И знают больше, чем большинство людей. Мафия расцвела буйным цветом на почве современного общества. Её мировая экспансия проходит с невиданной быстротой, — столь же быстро по свету распространяются и другие продукты труда, которыми спектакль лепит свой мир. Мафия растёт одновременно с быстрым развитием информационных технологий и промышленным производством продуктов питания, вместе с урбанизацией и трущобами, неграмотностью и разветвлёнными сетями спецслужб.

XXIV

Мафию в США занесли эмигранты-рабочие из Сицилии; примерно в это же самое время на западном побережье разразилась клановая война между китайскими триадами, т.е. изначально мафия была банальным архаизмом, пережитком, прижившимся на новом месте. Рождённая из нищеты и обскурантизма, мафия даже не смогла наладить связи с Северной Италией. Все были уверены, что чуть только государство станет более совершенным, она исчезнет без следа. И понятно, ведь раньше мафия процветала лишь за счёт «защиты» угнетённых меньшинств, пуская свои корни за городом, где не действовали законы буржуазного общества, и куда боялась совать свой нос рациональная полиция. Мафия могла только защищаться, и то для этого она в состоянии была позволить очень немного: так, «убрать» свидетелей, нейтрализовать полицию и судей, ну и конечно, поддерживать требуемый уровень секретности в своей сфере влияния. Однако ожидания не сбылись, и мафия лишь почувствовала новый прилив сил, когда восторжествовал новый обскурантизм, вначале расплётённого, а потом и интегрированного спектакля. Окончательная победа секретности, покорность толпы, полная утрата логики, всемирный прогресс трусости и продажности — сделали своё дело. Отныне мафия преобразилась и стала современной агрессивной силой.

«Сухой закон» в Америке (кстати, показательный пример того, как государство предъявило претензию на всеобщий авторитарный контроль, и что из этого вышло) довлел над организованной преступностью в течение более чем десяти лет. Именно с тех пор мафия, обогащённая новыми силами и опытом, ударились в политику, выборы, коммерцию, активно стала развивать рынок

профессиональных киллеров, начала задавать тон в некоторых областях внешней политики. Во время второй Мировой войны правительство США щедро перечисляло мафии средства для того, чтобы облегчить вторжение в Сицилию. Прошло время — алкоголь легализовали; теперь его место заняли наркотики — главный товар нелегального потребления. Далее мафия вплотную приступила к дележу собственности, занялась банковскими махинациями, политикой на высшем уровне, государственными делами, а затем и зрелищной индустрией: телевидением, кино и журналами. И уже, по крайней мере, в Соединённых Штатах — точно, мафия опутала своими щупальцами музыкальную индустрию, как, впрочем, и любую другую сферу деятельности, в которой коммерческий успех продукта зависит от относительно сплоченной группы лиц. На них, поэтому, легко оказывать давление. Можно взятками (мафия на это денег не жалеет), а если взятки не помогают, то и банальными угрозами — всё равно ей никто не в состоянии дать отпор. Мафия подкупает ди-джеев и тем самым определяет, какой именно музыкальный товар будет пользоваться популярностью в новом сезоне. А вы ещё удивляетесь, почему по радио крутят такую убогую безвкусицу.

Воодушевившись своим успехом в Америке, мафия и в Италии обрела невиданную силу. После периода политического перемирия с параллельным правительством она получила право безнаказанно убивать начальников полиции и магистратов, что впоследствии вошло в историю под понятием «политический терроризм». Похожая эволюция японской мафии в относительно независимых условиях хорошо иллюстрирует единство эпохи.

Нельзя противопоставлять друг другу мафию и государство и, тем более, пытаться что-то этим объяснить — они никогда не враждовали. Теория только подтверждает то, что уже доказано на практике. Мафия — не чужак на этой земле, она чувствует себя здесь как дома. В рамках интегрированного спектакля, мафия — это идеальная модель любого развитого коммерческого предприятия.

XXV

Мы живём в удивительное время: сегодня даже политическое убийство может запросто сойти с рук, в каком-то смысле на него начинают смотреть сквозь пальцы. Сумасшедших на улицах становится всё больше и больше, однако куда примечательней то, что все вокруг начали перенимать их язык. СМИ дают такие идиотские объяснения к событиям не потому, что их заставляет это делать какое-то абстрактное царство террора и ужаса — вовсе нет. Как раз тот факт, что такие объяснения имеют место — внушает ужас.

Давайте взглянем, какое объяснение давали политическим убийствам до того, как современное общество прогнулось под железной пятой спектакля, и после. Итак, 31 июля 1914 года, Европа накануне первой Мировой, Рауль

Виллен убивает Жана Жореса. Никто не сомневался, что Виллен, хотя и был немного неуравновешенным человеком, убил Жореса по политическим мотивам, так как до этого попал под влияние правых экстремистов, которые и убедили его в том, что Жорес представляет угрозу для национальной безопасности. К слову, эти экстремисты недооценили силу патриотического крыла в Социалистической партии, — и не важно, убили бы Жореса или позволили ему дальше проповедовать свою антивоенную интернационалистическую позицию, — всё равно партия поддержала бы действия Антанты.

А теперь представим себе, что бы произошло, если бы такое событие случилось сегодня. На помощь к полиции и журналистам тут же прилетели бы «эксперты» по «общественным вопросам» и «терроризму» — они тут же рассказали бы, что Виллен — известный психопат, и что он до этого планировал сразу несколько убийств. Причём все его жертвы, не взирая на их политические взгляды, чисто случайно выглядели и одевались в точности как Жан Жорес. Психиатры бы это тут же подтвердили, а журналисты, в свою очередь, быстро разнесли бы эту радостную весть, тем самым, подтвердив свою собственную компетентность и беспристрастность как истинно авторитетных экспертов. Официальное полицейское расследование немедленно бы отыскало нескольких людей с хорошей репутацией, готовых засвидетельствовать тот факт, что 31 июля Виллена обидел официант в «Cafe du Croissant» на Монмартре, и тот на весь зал поклялся отомстить хозяину этого заведения, угрожая убить его лучшего клиента, а потом достал револьвер и застрелил Жореса.

Это только в прошлом всё тайное рано или поздно становилось явным. Впрочем, надо сказать, Виллену повезло, и французский суд его тогда оправдал. Его расстреляли только в 1936 году в самом начале Испанской революции, — угораздило же бедолагу переехать на Балеарские острова!

XXVI

В условиях, когда государство установило гегемонию над управлением производством, и когда спрос на все товары непосредственно зависит от степени централизации информации и рекламы в рамках спектакля, к которым вдобавок обязаны приспособляться формы распределения, повсеместный рост тайных обществ и сетей вполне отвечает современному способу получения выгоды при управлении экономикой. Это естественный продукт концентрации капитала, производства и распределения. Всё что не развивается — обречено на вымирание, при этом ничто, никакое предприятие не сможет развиваться, если оно не приспособится к ценностям, технике и методам современного спектакля, государства и промышленности. В конечном счёте, экономика нашей эпохи диктует, чтобы все люди были связаны между собой взаимными узами зависимости и защиты.

Как раз здесь мы и убеждаемся во всей пронизательности и истинности известной сицилийской поговорки, ныне признанной во всей Италии: «Если у тебя есть друзья, и есть деньги — ты можешь насмеяться над законом». В интегрированном спектакле законы перестают действовать. Их сочиняли ещё тогда, когда никто и представить себе не мог, каких высот достигнут новые технологии производства, и что, собственно, производство и распределение будут регулироваться совсем иными типами соглашений. Уже не важно, что думает публика, не важно, какие у неё вкусы. Спектаклю они уже не помеха, ведь опросы общественного мнения, выборы и прочие «модернизационно-реструктуризации» проводятся отныне под его патронажем. И не важно, кто победит на этих выборах — преданным покупателям всё равно на них всучат самый паршивый товар, потому что выборы ради этого и устраиваются.

Распространённые толки о «правовом государстве» пошли как раз с тех пор, когда демократические государства перестали быть таковыми. Причём вряд ли можно назвать случайным тот факт, что данное выражение обрело популярность где-то в 1970 году и, что особенно симптоматично, в Италии. Сегодня в законах изначально создаются лазейки, чтобы ими могли воспользоваться те, кто располагает для этого средствами. В некоторых случаях нелегальные, мошеннические операции выступают дублёрами-двойниками вполне законных экономических сделок, отчего те становятся ещё более выгодными; как пример: мировая торговля оружием, особенно, что касается наиболее технологичных и засекреченных образцов. Многие сделки в бизнесе нынче столь же бесчестны, как и вся наша эпоха. Но это не просто некоторые господа выбрали для себя путь обмана и мошенничества — к этому принудила их само наше время.

По мере развития рекламных и контролирующих сетей, которые определяют и обслуживают интересы эксплуатируемых участков рынка, также развиваются услуги и частных спецслужб, причём от людей, готовых предоставить свои услуги в данной области, просто отбоя нет; причём это вовсе необязательно отставные полицейские или другие блюстители государственных интересов и безопасности. Их тайные сети опутали весь земной шар. При виде того, кто их нанял, они тут же вытягиваются в струнку и выказывают чудеса преданности и признательности. Такую готовность добровольно служить редко где сыщешь в буржуазную эпоху.

Мы все чему-то учимся у своих предшественников. Не стоит сомневаться: государственные мужи тоже читали заметки Лукача о концепциях законности и незаконности. Естественно их вынудило к этому новое, решительное, отрицательно настроенное поколение, которое впоследствии кануло в лету — Гомер говорил: «Как поколения листьев, мы поколенья людские». Как и мы, государственные деятели были вынуждены составить свою точку зрения на данный вопрос, тем более, в обществе спектакля ни мы, ни они уже не питали никаких иллюзий по его поводу. Напоследок могу сказать следующее: мы

бы, возможно, и рады были посвятить свою жизнь какой-нибудь незаконной деятельности, да сами к тому времени жили в подполье.

XXVII

Фукидид в своей «Истории» хорошо описал особенности одного олигархического заговора того времени, причём его перипетии наводят на мысли о той ситуации, в которой сегодня оказались мы.

«Тем не менее, Ассамблея и Совет, избранный по жребию, продолжали собираться. Однако на них не принималось решений, которые были бы неуютны партии заговорщиков; на самом деле все ораторы состояли в этой партии, и все их речи готовились заранее. Горожане трепетали перед их могуществом, а потому никто не желал оказаться у них на пути. А если кто-то и пытался — его немедленно убивали, причём никто не хотел расследовать данные преступления или предпринимать какие-либо действия против тех, кто был заподозрен в их совершении. Наоборот, люди покорно переносили происходящее. И даже если человек помалкивал, он всё равно благодарил фортуны за то, что его до сих пор ещё не тронули — вот насколько все были запуганы. Заговорщики мерещились им везде, люди окончательно потеряли веру в себя, сосед косо смотрел на соседа, брат — на брата. Угнетаемые страхом, люди даже не могли пожаловаться друг другу или поделиться переживаниями, потому что опасались за свою голову; даже в семьях люди перестали доверять друг другу. Члены демократической партии уже не могли смотреть друг на друга без подозрения: каждый думал, что его коллега связан с заговором. И на самом деле, среди заговорщиков не мало было таких, кого ни за что нельзя бы было заподозрить в связях с олигархией. Однако именно они и были в основном ответственны за то, что большинство граждан перестали друг другу доверять, и именно они обезопасили меньшинство заговорщиков, посеяв семена раздора и подозрительности в Ассамблее».¹¹

Что же, история иногда имеет свойство повторяться. Я уверен, когда-нибудь эти Комментарии ещё послужат при написании истории спектакля. Спектакль — это не то, на что мы могли бы просто закрыть глаза. Его возникновение стало главным событием нашего века, причём мало кто дерзнул его хоть как-нибудь описать. Возможно, в иных обстоятельствах, я бы и не принялся за эту работу, удовлетвовавшись первым своим трудом по данной теме, оставив право развивать её другим. Однако в сложившейся ситуации непохоже, чтобы кто-нибудь кроме меня решился на это.

¹¹ Фукидид. «История», книга VIII, глава 5

XXVIII

Сети рекламы и контроля органично стыкуются с сетями разведки и дезинформации. Раньше человек уходил в подполье, чтобы противостоять режиму. Ныне же конспирация в почёте, и является хорошо оплачиваемой и весьма достойной профессией. При господстве спектакля люди конспирируются, чтобы поддерживать это господство, чтобы в очередной раз утвердить конспирацию как залог благоденствия спектакля. Конспирация — это неотъемлемая часть спектакля.

Власть намеренно создаёт поводы для своего рода превентивной гражданской войны, чтобы предугадать все возможные пути развития событий. Для этих целей создаются «специальные подразделения», готовые вступить в бой по первому зову интегрированного спектакля. Их тактика заключается в том, чтобы развязать бойню ещё до того, как началось восстание. Прецеденты уже были, в худшем случае власть может решиться на операцию аналогичную той, что была вовремя проведена в Мехико в октябре 1968 года и носила кодовое название «Три культуры»¹². Безусловно, такой вариант припасён на самый крайний случай. Необоснованные, случайные убийства являются весьма полезным инструментом для правительства, но только если они относительно часты и вызывают широкий резонанс, особенно важен резонанс, — только благодаря нему стрелка общественных предпочтений может качнуться в ту или иную, выгодную для правительства, сторону. Такие убийства вовсе необязательно должны быть выборочными, *ad hominem*. Чем случайней выбор новой жертвы — тем больше резонанс.

Далее, даже разрозненные элементы культивированной социальной критики начинают упорядочиваться. Спектакль теперь уже не доверяет академикам и профессионалам СМИ: их традиционная ложь, выдаваемая за критику, уже всем приелась, и необходима новая, более совершенная критика, которую можно эксплуатировать ещё более эффективным образом, и которую будут контролировать другие, лучше обученные профессионалы. Всё чаще на глаза попадают довольно-таки выдающиеся тексты, за подписью совершенно неизвестных авторов, а то и вовсе анонимные. Достаточно полезная тактика, особенно если учесть, что всем надоели привычные клоуны спектакля, хочется чего-нибудь новенького — и именно поэтому такие тексты встречаются «на ура». Зачастую они посвящены темам, которые никогда не затрагивал спектакль и, что особенно важно, в них используются весьма оригинальные доводы, основанные на совершенно очевидных фактах, которые прежде никто не дога-

¹² Операция «Три культуры». 2 октября 1968 года полиция открыла огонь по студенческой демонстрации проходившей на площади Трёх культур в Мехико. Последовало две недели кровопролитных столкновений: полиция расстреливала митинги и университетские корпуса. В результате погибло более пятидесяти студентов.

дывался приводить. Что же, прямо на наших глазах светлые умы нашей эпохи добровольно идут в рабство режиму, пройдёт ещё много времени, прежде чем они поймут, во что они влипли. То, что для кого-то станет первым шагом в карьере, менее посвящённых заведёт в ловушку.

В тех случаях, когда дискуссия рискует зайти в тупик, искусственно создаётся новая псевдо-критика; и из двух точек зрения спектакль, по своему подлому обыкновению, выдвинет ту, которой будет проще манипулировать, благодаря её расплывчатости. Таким образом, любая дискуссия может быть обновлена и начата заново при первой же необходимости. Примечательно, что чаще всего это происходит с громкими дискуссиями о том, что утаивают СМИ: содержат ли эти дискуссии конструктивную критику? — безусловно. Верны ли многие аспекты этой критики? — вполне. Однако акценты у этой критики почему-то постоянно бывают смещены. Темы и выражения в вышеупомянутых текстах кажутся уж больно искусственными, высосанными из пальца. Порою кажется, что они были сгенерированы компьютерной программой в которую кто-то заложил критическое мышление. В этих текстах всегда присутствуют пробелы, которые с первого раза и не заметишь: в них абсолютно нет перспективы на будущее, и это пугает. Они напоминают муляжи орудий, у которых есть лафет, есть ствол, но нет бойка. К несчастью, эта критика поверхностна, и хотя ей не занимать искренности, и зачастую она метко попадает в цель, однако все её положительные стороны блекнут из-за её односторонности. Желает ли эта критика стать беспристрастной? Едва ли. Её разоблачает то, что она никак не хочет раскрывать свою первопричину: ведь именно из государства она когда-то вышла, и к государству стремится вернуться.

Помимо этой анти-журналистской лжекритики ещё существует вполне организованная тенденция к распространению слухов, которые, как известно, являются побочным продуктом зрелищной информации, так как каждый, пускай и бессознательно, стремится получить хоть какую-то толику последней; пускай даже бы она была ложной — в неё всё равно уверуют. Вообще говоря, слухи зародились как наивное суеверие, самообман. Впрочем, не так давно благодаря разведке появились такие люди, которые специально были натасканы на то, чтобы пускать слухи, немедленно удовлетворяющие запросам населения. На основе наблюдений решено было внедрить на практике теорию, которая была сформулирована ещё 30 лет назад, а корнями уходила ещё глубже — в американскую социологию рекламы. По этой теории существуют так называемые «законодатели мод», толкачи, т.е. такие индивиды, которые провозглашают: «делай как я», — и люди добровольно тянутся за ними, стараясь один в один повторять их поступки. Только сейчас данная теория построена не на добровольном следовании примеру, а на строгом подчинении. Помимо традиционных специалистов недавнего прошлого вроде академиков и профессоров СМИ, полицейских и социологов — спектакль ухитрился набербовать себе новых нахлебников, причём средства на них выделяются как из бюджет-

ных, так и из внебюджетных фондов. Ни в коем случае нельзя тупо и упорно, механически применять к изменившимся условиям устаревшие модели, как нельзя игнорировать опыт прошлого. «Рим перестал быть Римом», а мафиози — ворами. Службы разведки и дезинформации сейчас столь же кардинально отличаются от полицейских и осведомителей былых времён (к примеру, от жандармов и шпииков Второй Империи), как и вообще все современные спецслужбы — от Второго Отделения образца 1914 года.

Искусство умерло, и теперь нет ничего проще, чем спрятать шпиика под личиной художника или артиста. СМИ так и трубят о мнимом величии пошлых, не пойми откуда взявшихся клонов нео-дадаизма, которые уже принялись создавать целые замки и дворцы из мусора. При таком процессе вполне понятно, почему шпионы и прочие агенты государственных сетей принуждения с такой лёгкостью выдают себя за артистов. Как грибы после дождя возникают абсолютно пустые псевдо-музеи и псевдо-исследовательские центры, посвящённые творчеству никогда не живших личностей, с тем же успехом создаются репутации журналистов-стукачей, историков-стукачей и писателей-стукачей. Несомненно, Артю Краван обладал даром предвидения, когда написал в своём «Maintenant»: «Скоро на улицах нам будут встречаться исключительно художники и артисты, и придётся немало постараться, чтобы отыскать в толпе простого человека». В своё время парижские бедняки любили язвить: «Здравствуйте, добрые артисты! Надеюсь, вы правда добрые». Конечно, они говорили не совсем так, но в такой форме их острова ещё более актуальна.

Мы вынуждены принимать мир таким, какой он есть. Сегодня мы становимся свидетелями того, как коллективное авторство начинает практиковаться почти во всех крупных издательствах, точнее в тех, что приносят своим владельцам наибольший доход. Всё равно, только газеты имеют право удостоверить псевдонимы, а потому они с радостью ими жонглируют, сочетают, меняют местами, а то и вовсе подменяют искусственными мозгами. Задача современных авторов — выражать идею и стиль жизни эпохи, но не потому, что они действительно хотят их выразить, а потому что им это приказали. Вот и получается, что поистине независимыми сейчас являются лишь литературные антрепренёры, которые с умным видом рассказывают нам о том, что Дюкасс ссорился с Графом Лотреамоном, настаивают, что Дюма и Мэккет — два разных человека, подмечают, что не стоит путать Эркманна и Чатриана, и что Ценсье и Даубентон — совершенно разные вещи¹³. Можно смело сказать, что все современные авторы — последователи Рембо, особенно, что касается утверждения: «Я — это не я, а кто-то другой».

¹³ Конечно, Исидор Дюкасс — это и есть Граф Лотреамон. Август Мэккет — видный историк, соавтор Дюма-отца. Эмиль Эркманн и Александр Чатриан — два писателя-романиста из Аляски, которые писали в соавторстве. «Ценсье-Даубентон» — собственно, название одной из станций парижского метрополитена.

Вся история общества спектакля вела к тому, чтобы секретные службы играли в нём главную роль; так и получилось, чуть только власть и сила этого общества достигли должной концентрации. И хотя они скромно именуют себя «службами», на самом деле именно они определяют главные интересы общества. Они не знают коррупции — они могут лишь верой и правдой служить обществу спектакля. Так ревностно служат, пожалуй, только вперёд смотрящие на корабле посреди бескрайнего океана. Спектакль привёл всё тайное к триумфу, и теперь вынужден нанимать для собственного управления всё больше и больше специалистов в области тайного. Эти специалисты не обязательно должны быть бюрократами, — это индивиды, которые в разной степени освободили себя от контроля государства и бюрократии.

XXIX

Главное рабочее правило для интегрированного спектакля, ну или, по крайней мере, для тех, кто заведует его делами, состоит в том, чтобы сделать всё возможное для поддержания его строя. Это означает, что для нужд спектакля следует привлекать любой новый инструмент, сколько бы он ни стоил. Разработка новых механизмов воздействия становится самоцелью и единственной движущей силой системы, способной хоть как-то подстегнуть её развитие, поэтому эти механизмы навязываются обществу без каких-либо раздумий. Хозяева спектакля, несомненно, любой ценой желают сохранить существующую «систему общественных отношений между людьми», но они также обязаны следить за техническими инновациями, чтобы и их наследникам было чем руководить. Это касается также и спецслужб, которые своей грудью защищают господствующий режим. Если какое-то орудие труда было усовершенствовано, то оно в любом случае должно быть использовано, пускай даже ради этого придётся изменить условия окружающей среды. Поэтому чрезвычайные меры всюду становятся делом привычным и обыденным.

В некотором смысле, сплочённость общества спектакля доказывает правоту революционеров, которые настаивали на том, что даже ничтожнейшую деталь системы нельзя изменить, не изменив всю систему. Однако эта сплочённость также подавила любые революционные настроения в современном обществе, выбив у них из-под ног любую социальную почву, где бы они могли найти выражение: от профсоюзов — до газет, от рабочих кварталов — до книг. Достаточно было мановения руки, чтобы высветить всю безрассудность и беспомощность этой тенденции. Да и на индивидуальном уровне сплочённость общества спектакля способна подавить или, ещё лучше, подкупить любые возможные формы протеста.

XXX

Спецслужбы могли бы быть куда опасней, но, по счастью, они слишком увлекаются амбициозными замыслами по всеобщему абсолютному контролю над обществом и оттого закономерно сталкиваются с трудностями. Существует следующее противоречие: спецслужбы кропотливо, день за днём собирают информацию о различных индивидах, причём собрали уже какие-то непомерные, гигантские горы досье, однако времени на анализ и выявление их действительной ценности у них просто не остаётся. Количество разведанных постоянно приходится сокращать, при этом много важной информации попросту теряется, а то, что остаётся — всё равно недоступно для прочтения из-за своего объёма. Разведкой и иными службами по манипуляции населением никто не руководит, они не координированы. Между ними кипит ожесточённая борьба, один потенциал современного общества желает задавить другой, однако не стоит обольщаться — все они одним дёгтем мазаны.

Эта борьба также является состязанием. Каждый её участник переоценивает способности как своих агентов, так и агентов противников. Любая страна, не говоря уже о транснациональных альянсах, на текущий момент обладает каким-то невероятным числом полицейских и разведывательных служб. Причём эти спецслужбы могут быть не только государственными, но и даже надгосударственными. Также не счесть мелких частных компаний, которые предлагают свои услуги в области надзора, безопасности и разведки. Вполне естественно, что у транснациональных корпораций есть собственные спецслужбы; но куда интереснее то, что они есть и у менее крупных национальных компаний, которые до сих пор преследуют собственные цели на национальном и, реже, международном уровне. Ядерно-энергетическая группа будет отчаянно сражаться против нефтяной группы, несмотря даже на то, что они принадлежат одному и тому же государству и, в каком-то смысле, диалектически объединены желанием поддерживать высокий уровень цен на нефть на мировом рынке. У каждого предприятия есть собственные спецслужбы, которые призваны бороться с саботажем и, в случае надобности, организовывать акты саботажа против конкурентов. Так, например, компании, строящие подводные туннели, кровно заинтересованы в том, чтобы морские паромы тонули чаще — для этого они не брезгают подкупом газет, чтобы те без промедления, но и без особых подробностей, рассказывали о подобных катастрофах. Одновременно с тем, компания соперничающая с Sandoz¹⁴ может запросто отравить источники подземных вод в долине Рейна, нимало не заботясь при этом об экологических последствиях. Тайным разведывательным службам не привыкать — забота у них такая. Все эти организации плотно теснятся вокруг тех, кто в ответе за государственный разум, Raison d'Etat, причём каждый хо-

¹⁴ Одна из крупнейших мировых корпораций, занимающаяся производством медикаментов

чет добиться своей гегемонии над смыслом. Поэтому смысл и теряет сегодня всякий осязаемый центр.

Одерживая победу за победой, вплоть до 1968 года современное общество свято верило в то, что его все любят. Однако с тех пор оно было вынуждено расстаться с этим заблуждением — теперь оно предпочитает, чтобы его боялись. Уж оно-то знает, что его «атмосфера невинности исчезла навсегда».

Поэтому все те тысячи интриг, которые оплетают и сотрясают современное общество, так или иначе связаны с действующим режимом. Поэтому всё более и более переплетаются разнообразные тайные сети, растут объёмы подпольной деятельности, и одновременно с этим, все они последовательно и оперативно интегрируются в экономику, политику и культуру. Во всех сферах общественной жизни не продохнуть от шпионов, дезинформаторов и подпольщиков — различать их становится всё труднее. Порою интриги разрастаются настолько, что их уже невозможно не заметить, тогда они начинают интерферировать, будоражить другие сети интриг — одни профессиональные шпионы начинают следить за другими, даже не зная толком, зачем они это делают, иногда они сталкиваются в толпе, но не узнают друг друга. Кто за кем следит? Кто отдал такой приказ? К кому тянутся нити интриг? Этого мы не узнаем никогда, мы можем лишь подозревать об их настоящих целях. Когда никто не может с полной уверенностью сказать, что им не манипулируют, что он не жалкая тряпичная кукла в этом театре, — даже кукловод не знает наверняка, отзывается ли кукла на его движения. И в любом случае, даже если и отзывается — всё равно это не значит, что кукловод выбрал верную стратегию. Иногда маленькие тактические успехи способны привести великую армию к разгрому.

Состоя в одной сети и, очевидно, преследуя одни и те же цели, одни её элементы запросто могут плевать на гипотезы и заключения других элементов и, более того, даже на решения их контролирующего ядра. Но можно догадаться — когда вся информация, а порою и сами объекты наблюдения, являются вымышленными от начала и до конца, или серьёзно фальсифицированными, или неверно интерпретированными, все выкладки этих новых инквизиторов могут запросто пойти насмарку. Однако куда проще обвинить кого-то, нежели заставить его работать на себя. Поэтому борьба кипит не только за источники информации, но и за источники фальсификаций.

Поэтому мы можем смело заявить, что режим терпит убытки. Он охватил своим влиянием всё социальное пространство, соответственно увеличив число своих агентов-соглядатаев и арсенал своих приёмов. Однако спецслужбы начали шпионить и строить заговоры друг против друга, тем самым, истощив как свои людские запасы, так и обесценив свои приёмы.

В результате мы пришли к принципиальному противоречию: оказалось, что все они внедряются, оказывают давление и шпионят за . . . пустым местом, — ведь по идее они должны следить за теми, кто хочет разрушить существующий

строй. Но можем ли мы наяву увидеть эту подрывную деятельность? Конечно, едва ли можно назвать ситуацию революционной, но это только правительство может беспечно закрывать на неё глаза. Оно так давно не сталкивалось с отрицанием, что благополучно забыло о нём. Поэтому отрицание превратилось в смутную, хотя и неприятную угрозу, а спецслужбы, в свою очередь, от банального безрыбья были вынуждены уйти из своей привычной сферы деятельности. Раньше службы надзора и внедрения действительно были вынуждены бороться с проявлениями отрицания в обществе, обстановка к тому обязывала. Сейчас же они опустились до того, что плетут интриги и отрицают друг друга, причём делают это с помощью ещё более совершенных методов спектакля. И манипулируют они сегодня уже не террористами, а теориями.

XXXI

Бальтасар Гарсиан, большой авторитет в области исторического времени, метко подметил в своём «Карманном оракуле»: «Будь то слова или действия — всё следует измерять временем. Мы должны выбирать, пока можем; время не ждёт, оно накатывает как волна».

Омар Хайям был менее оптимистичен:

«Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, — и побили;
И в темный ящик сунут на покой».¹⁵

XXXII

Французская Революция внесла огромные изменения в военное искусство. Как мы знаем, в её результате Европа была быстро поработана Наполеоном. Именно из опыта тех войн Клаузевиц заключил, что существует разница между тактикой, которой силы руководствуются для того, чтобы одержать победу в отдельно взятом сражении, и стратегией, которая учит, как использовать уже одержанные победы для достижения более обширных военных целей. Однако к тому времени данная теория ещё не была до конца доказана, да и развивалась неравномерно. Также следует отметить, что большую роль сыграли глубокие социальные сдвиги во Франции, которые привели к созданию большой, мобильной и решительно настроенной армии, которая могла легко сняться с насиженных мест и отправиться в далёкие походы, оставаясь при этом относительно неотягощённой складами и обозами. Однако вскоре вражеская сторона сумела должным образом ответить на этот вызов: в Испании

¹⁵ Омар Хайям. Рубаи. 272. Перевод Тхоржевского.

французы столкнулись со столь же сильным народным энтузиазмом; в России — с недружелюбными и совершенно необъятными просторами; а после начала освободительной войны в Германии — и со значительно превосходящими их по численности силами. Так что не стоит недооценивать тот коренной перелом, который французы внесли в тактику. Наполеон основывал свою стратегию на следующем любопытном соображении — он всегда действовал так, как будто уже одержал победу, так сказать, взял её в кредит, и поэтому выстраивал из всех возможных манёвров своей армии ту искомую последовательность, которая привела бы её к победе. Только так, решительно отбросив ложные идеи, и можно было добиться столь решительного прорыва.

Но для возникновения новой тактики недостаточно было просто избавиться от ложных идей, требовались и другие нововведения, о которых мы уже вскользь упомянули выше, — необходимо было найти средство для того, чтобы избавиться от этих закостенелых порядков. Новобранцам во времена Наполеона особенно доставалось за то, что они не могли держать строй и стрелять по команде. Вместо этого они рассыпались в цепь и вели беспорядочную стрельбу во время наступления. На сегодняшний день уже все признали, что только независимый огонь является эффективным, и что муштровка была самым пагубным фактором в военных действиях того времени. Несмотря на постоянную демонстрацию в сражениях и то, что скорость и дальность стрельбы непрерывно совершенствовалась, в конце XVIII все поголовно военные мыслители с негодованием отвергали данные выводы, более того — дебаты по этому вопросу шли практически весь следующий век.¹⁶

По аналогии, установление господства спектакля стало тем самым глубоким общественным сдвигом, радикально изменившим искусство управления государством. Вместо того чтобы стоять по стойке смирно под градом пуль, солдаты инстинктивно начали залегать, окапываться и разбегаться в цепи, — так и здесь налицо упрощение искусства управления государством, которое вполне спонтанно назрело на практике, но которому всё ещё недостаёт теоретического обоснования. Уже всем ясна пагубность старых предрассудков, однако предостережения нынче бесполезны: пыль веков всё ещё застит умы многим правителям, не позволяя им понять то, что каждый день отлично демонстрируется и доказывается на практике. Не только непосвящённый охлос сейчас всеми правдами и неправдами стараются убедить, что он живёт в старом привычном для него мире, который на самом деле уже был уничтожен, — порою и сами правители страдают от этого абсурдного убеждения. Они

¹⁶ Обстоятельный анализ этой революции в военном искусстве дал один из крупнейших специалистов в данной области, Фридрих Энгельс: «Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он, солдат, инстинктивно нашёл единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнём ружей, заряжаемых с казённой части, и он с успехом отстоял её вопреки противодействию начальства». (Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», отдел II, гл. III)

почти уже осознали, какая титаническая сила оказалась в их руках, однако всё ещё брезгают с нею считаться. Однако скоро они перестанут мешкать. Тот, кто достиг столь много такими малыми средствами обязательно пойдёт ещё дальше. Не стоит думать, что ежели они так долго не могли вникнуть в новые правила своей игры, не могли отказаться от своего варварского благородства, то они так навсегда и останутся фанатами архаичных форм в отношении реальной власти. Несомненно, спектакль явно не предназначен для того, чтобы кончить как просвещённый абсолютизм.

Мы обязаны заключить, что неизбежна смена ролей в слаженной труппе тех, кто служит интересам режима и, прежде всего, тех, кто в ответе за охрану режима. Тут дело серьёзное — такая рокировка не может произойти на сцене спектакля. Она произойдёт внезапно, как удар молнии, о которой мы узнаём только после того, как нас ослепит её вспышка. Эта смена ролей подведёт убедительный итог работе современного спектакля, и произойдёт вдали от посторонних глаз, тайно, даже не смотря на то, что она коснётся самых высших эшелонов власти. Здесь уже не будет места хилым и слабым — изберут лишь тех, кто преодолит все испытания. Тот, кто займёт центральное место в этом мире, обязан знать, на что он способен.

XXXIII

Тот же Сарду писал:

«Слово «напрасно» относится к субъекту, «тщетно» — к объекту; «беспольный» — значит никому не полезный. Если человек не достиг цели в результате своей работы, лишь потратив своё время и силы — значит, он работал «напрасно». Если же человек работал и не достиг ожидаемой цели из-за того, что работал неправильно — значит, он работал «тщетно». Если я не могу преуспеть в завершении какой-то работы, я работаю напрасно, т.е. я бесполезно трачу своё время и усилия. Если же работа, которую я делал, не принесла ожидаемых плодов, я не достиг цели — я работал тщетно, т.е. делал нечто бесполезное . . .

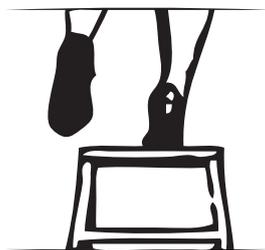
Иногда говорят, что человек работал напрасно, если его не вознаградили за проделанную работу, или не одобрили её; в этом случае человек тоже потерял зря время и усилия, однако он сам и его работа в этом не виноваты. Прделанная работа могла быть очень даже хороша».

Париж. Февраль-Апрель 1988 года.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012



Ги Дебор

Комментарии к «Обществу Спектакля»

1988

Перевод Болеслава Немана

Сохранено 1 февраля 2012г. из **revsoc.org**